

Заставь меня влюбиться

Автор:

Лена Сокол

Заставь меня влюбиться

Лена Сокол

Бестселлер Рунета

Машка – местный изгой. Дима – самоуверенный красавчик, который не привык к отказам. Судьба вдруг сталкивает их, поставив в неловкую ситуацию. Теперь девушке очень хочется сбежать, а дерзкий парень неожиданно предлагает поспорить, что влюбит ее в себя, да еще и заставит первой просить о поцелуе. Что ж, вызов принят! Ведь такого уж точно не будет никогда!

Лена Соколов

Заставь меня влюбиться

Это история парня и девушки.

История любви? Я не уверена.

Ненависти? Тоже вряд ли.

Хотя...

Все началось обычным весенним днем.

Я проспала. Открыла глаза, еще даже не догадываясь ни о чем, лениво потянулась и поежилась от холода. Апрельский ветерок врывается в форточку, заставляя подергиваться тонкие розовые занавески и принося с улицы прохладу, запахи талого снега, прелой травы и свежей выпечки.

Выпечки? Какого черта?! Как выпечки?

Булочная на первом этаже нашего дома открывалась в восемь утра. Часам к девяти запах булочек с корицей, пышной сдобы и ржаного каравая с тмином обычно добирался и к моим окнам. Я подскочила на постели, тщетно пытаюсь разлепить глаза. Дотянулась до мобильного. Тот лежал на краю тумбочки и не подавал никаких признаков жизни. Зарядного устройства, которое подцепляла вчера вечером, нигде не было видно. Так и оказалось – телефон сдох.

Глаза упрямо таращились в темный экран, пытаюсь разглядеть цифры, которых там и не должно было быть. Аппарат же был выключен. Сел. Отрубился еще вчера. И, кажется, я знала, кого нужно было за это благодарить. Братца-кролика, точнее просто братца, мирно храпящего за стенкой.

Соскочив с кровати, запрыгнула в старые рваные джинсы, неуклюже натянула любимый свитшот с изображением чуваков из «Chromeo» и пулей помчалась в мамину комнату. Большие часы на комоде показывали половину десятого. Половину, мать его, десятого...

– Нет! Нет! Нет! Нет! – вырвалось с досады.

Шучу. Просто одно «нет» и пара крепких ругательств. Я ж вам не барышня из дамского романа, матюгаться умею. Только знает об этом один лишь брат – все крепкие словечки достаются именно ему. И заслуженно: он балбес, каких еще поискать.

Как я его терплю? А так, деваться-то пока некуда. Живем на одной территории, да и люблю я его, чего уж скрывать. Мы как-никак близнецы. Ну, то есть двойняшки.

И то, что он вчера забрал мое зарядное без спроса, лишив и средства связи, и будильника, не прощу. Зря, что ли, корпела над учебниками до двух ночи? Зря готовилась к такому важному зачету? А он, тупица, все испортил очередным глупым разгильдяйским поступком.

– Ну и гад ты, Пашка! – громко выкрикнула, пнув ногой дверь в его комнату.

– Отвали, сурикат, – буркнул брательник, поворачиваясь с боку на бок. И накрылся с башкой одеялом.

– Сейчас ты у меня за все ответишь. – Хлопнула дверью и побежала собираться.

Ненавижу свое прозвище. Обидное и жалкое. Получила его в университете в прошлом году. Почему сурикат? Не, это не значило, что я, сложив лапки, вечно осматривалась в поисках опасности, словно маленький зверек.

Все из-за фамилии – Сурикова. Нормальная фамилия, скажете вы, и только извращенцу могло прийти в голову придумать такое производное от него, как сурикат. Но, к сожалению, у меня в группе учатся одни недоумки, которым нечем больше заняться, как выдумывать прозвища и дразнить изгоев. Хотя нет, я не изгой, я – невидимка.

И до сих пор не стала объектом их издевательств только потому, что веду себя тихо и неприметно. Ботаники, неформалы – всем доставалось от этой кучки задавак, считающих себя хозяевами жизни. Меня до сегодняшнего дня не трогали. Почти. У нас вроде как негласный договор: я делаю вид, что их не существует, они не замечают меня. Все довольны.

Когда все это началось? Пожалуй, еще на первом курсе. И не сказать, чтобы это меня сильно беспокоило. В школе я ладила со всем классом, врагов у меня не было, в друзьях числилось несколько довольно приятных девочек. Ну, и брат. Мы с ним всегда были не разлей вода, с таким другом никогда не приходилось скучать. Жаль, что он назло маме после школы поступил в экономический колледж, ведь в моем универе такой парень точно бы не пропал. И мне бы не дал превратиться в серую тень, которой я стала.

Помню свой первый день в универе как сейчас. Совершенно неожиданным было оказаться вдруг на первой паре, окруженной двумя десятками пар незнакомых

глаз, встревоженных так же, как и я, от того, что оказались чужими в незнакомом месте. Все было новым, непонятным и ужасно интересным.

Время шло, мы привыкали, втягивались в учебу. Мои новые одноклассники приглядывались друг к другу постепенно, смеясь и находя точки соприкосновения. Вскоре они уже стекались в группки и междусобойчики, союзы и коллективчики. И как-то вот этот момент, видимо, прошел мимо меня, потому что в один прекрасный день я вдруг проснулась и обнаружила, что не принадлежу ни к одной касте из вновь образованных.

Несколько ботаников, сбившихся в кучку, еще как-то более-менее общались со мной, могли перекинуться парой слов, но и то только по делу. Все же я числилась не самой тупой и даже могла подсказать им что-нибудь дельное. Неформалы огрызались – оказавшись в меньшинстве, они выбрали в качестве защиты наиболее эффективный способ. Не трогай нас – не тронем тебя. Среднячки же тянулись к «звездам». Так я называла компанию Костыля.

Детки вполне обеспеченных родителей, которые посещали пары только потому, что это было их способом где-то тусоваться вместе каждый день. Не богатенькие моральные уроды, а просто уроды (по версии моего личного хит-парада отмороженных), которые, будучи отпрысками уважаемых в городе людей, всегда были красиво одеты и вкусно накормлены. Отсюда, наверное, и манеры: грубость, хамство, зазнайство и раздутое до неприличия самомнение.

Почему Костыль? Все просто. Этот дебил год назад умудрился выпрыгнуть из окна аудитории на спор с Лысым. И сломал ногу (говорю же, дебил). Две недели на растяжке, долгие месяцы реабилитации, и приросшие, казалось, почти намертво к подмышкам костыли. Все просто. Кость со временем заросла, а погоняло осталось.

А почему Лысый? Потому что это тип пришел на первый курс с густой шапкой кучерявых волос, из-под которых было не видать даже его черных глаз. Смуглый, рослый, с ровным прямым носом – вылитый жгучий итальянец, будь он неладен. Сразил всех наповал и своей внешностью, и прической. Потому и получил почти сразу прозвище Лысый.

Самые красивые девочки, хорошо одетые мальчики – все они как-то сразу потянулись друг к другу невидимым магнитом. А я вот это разделение на

могучие кучки проспала. Проморгала, так и оставшись одна. Ну, а позже просто привыкла.

Приходила, садилась тихонько на последний ряд и ныряла с головой в конспекты. Это стало моим способом медитации – записывать все, что говорили преподаватели. Слово в слово, как стенографистка. Так можно было не отвлекаться на косые взгляды и недобрые перешептывания.

Сидишь себе, пишешь. Никого не замечаешь вокруг. Переменка? Можно отдохнуть и порисовать. Громко, конечно, сказано – порисовать. Так, почиркать на полях или в блокноте. Пару забавных рожиц одноклассников, перевод песни для брата (чтобы он знал, о чем напевает под веселое треньканье на гитаре), и, разумеется, сердечки.

А как вы думали? Я же девочка. И все девочки в моем возрасте мечтают о вполне себе взрослой любви. С прогулками вечером по темной аллее, обязательно за ручку и...как там в книжках? Ах, да, с поцелуями.

Схватив в охапку сонного Крыся, посмеявшегося недовольно мяукнуть, я сунула его Пашке под одеяло. Пусть знает наших. Брат довольно быстро все понял: голые пятки нервно задергались, колени прижались к животу.

– Машка! – Охрипший со сна голос казался крайне раздраженным, что не могло меня не радовать. – Вот ты стерва!

– Я такая, да, – довольно хрюкнула я, натягивая капроновые носочки.

– Крысь! – Это уже негодяю-коту, царапающему не в меру волосатые икры брательника. – Брысь! Иди уже отсюда, иди. Ы-ы-ы! Ма-а-аш, ну убери его?!

– И тебе доброго дня, Суриков!

Хлопнула дверь, чтобы кот не мог выбраться из комнаты и протяжно мяукал. Так, как только он один умеет: громко, заунывно, максимально раздражающе для спящего молодого мужчины. Усмехнулась и побежала к двери. Один мимолетный взгляд в зеркало. Оп! Стоять. Это что, я вот так собралась выйти в люди? Е-мое...

Поработала пятерней, пытаюсь унять непокорный каштановый бунт на голове, уныло вздохнула. Ничего не поделаешь, а мне с этим еще жить. Пара завершающих и вполне бесполезных штрихов расческой, цветная (да, детская, ну и что?) заколка. И глупая улыбка.

Проскользнула в любимые кеды, подогнула джинсики немного (так, для красоты). Сняла с вешалки любимое кашемировое пальто нежно-кремового оттенка, на которое старательно копила несколько месяцев. Надела, закинула сумку на плечо. Все равно чего-то не хватает. Напялила очки с круглыми стеклами персикового цвета.

Вот, теперь я в тренде. Никогда в таком прикиде не появлялась в универе. Так меня, пожалуй, и заметят. Хотя оно мне надо? Да по фигу вообще. Просто по ба-ра-ба-ну.

Можно идти.

Закрыла дверь. Громко (мвуааахахахаха!) и достаточно звонко, чтобы окончательно разбудить старшего (всего-то на пятнадцать минуточек) братца-лоботряса. И торопливо поскакала вниз через две ступеньки, усиленно пытаюсь сообразить, почему волосы одного и того же цвета и качества отлично смотрелись на голове молодого мужчины по фамилии Суриков и совершенно нелепо торчали в разные стороны у меня. Шутница-природа, будь она неладна, и тут подвела!

Сколько там у меня? Полчаса? Поглядела на часы. Нет, уже двадцать минут осталось. Проклятие! В другой раз я бы обязательно не спеша прошла пешком, тщательно вымешивая кедами весеннюю грязь. Но не сейчас. Пожалуй, стоит воспользоваться общественным транспортом. Вон, кстати, маршрутный автобус вырулил из-за угла. О-очень кстати! Стой, стой!

Водитель притормозил и открыл двери, словно приглашая меня заскочить на ходу.

– В своем уме? – Всплеснула руками, еле сдерживаясь, чтобы не показать ему в стекло неприличный жест. – Давай по-человечьи останавливайся!

Тц-тц-тц. Старая развалюха со скрежетом проехала еще пару метров и замерла на остановке.

– Другое дело, – проворчала я, запрыгивая внутрь.

Порылась в карманах в поисках мелочи, выгребла, отсчитала сколько нужно и, не заметив в салоне признаков присутствия кондуктора, сложила монетки горочкой на панели возле водительского сиденья. Вот так. Теперь я должна успеть к началу зачета по грамматике перевода. А он был очень важен для меня, ведь его преподавал сам Станислав Вячеславович. Мой Стас...

Нет-нет, конечно, педагог не догадывался, что он «мой». И что его как-то там зовут, пусть даже очень ласково, навроде Стасик. Но для меня он был настоящим предметом обожания, с первого дня, стоило мне только его увидеть. Спутанные волосы, мягкие и кудрявые, совсем как у моего брата. Светло-русые, намеревающиеся захватить весь мир и густыми прядями спадающие на лицо. Глаза, грустные и серьезные, большие и темно-зеленые. Такие темные, что кажутся почти карими. Но стоит посмотреть на них на солнце, и они загораются тысячами зеленых отблесков, сливающихся из маленьких искр в крупные яркие изумруды.

Высокий, всегда скромно, но со вкусом одетый и, что немаловажно, привлекательный мужчина лет сорока с хвостиком. Скажете, староват для меня? Нет, совершенно. Гораздо больше удручает тот факт, что ему не положено заводить близких отношений со студентами. Ну, так мне и осталось учиться всего-ничего – два года с небольшим. Главное, обратить на себя внимание, заинтересовать, а в этом направлении я уже немного продвинулась.

Еще на втором курсе, чтобы не отставать от других студентов, я начала читать неадаптированную литературу. Прочла в оригинале «Европейцев» Генри Джеймса, чуть тогда мозг не вывихнула, но осилила. Очевидность прогресса моих языковых навыков заставила меня продолжить эксперимент, подбирая для чтения все новые и новые произведения в нашей библиотеке. Слушала много музыки и аудиоспектаклей, привыкая к особенностям произношения и отличиям в британском и американском английском. А потом вдруг решила сменить тактику.

А что, подумала я, если попробовать поразить Стаса не своими успехами, а наоборот – попросить помощи? Хороший ход. И тогда по моей просьбе мама договорилась о двух часах в неделю дополнительных занятий. Индивидуальных. Для меня одной. У нас дома.

Стасик приходил по средам и пятницам вечером. Вот уже два месяца. Мы всякий раз садились за стол в гостиной. На расстоянии полуметра друг от друга. Опасно близко. Так близко, что сердце гулко отдавалось в ушах от каждого случайного соприкосновения рукавами. Я закусывала до боли губу, боясь, что он услышит. Но он продолжал монотонно объяснять материал, который был для меня проще пареной репы. Ловя глазами каждое движение его губ, я слушала и наслаждалась этой близостью.

Иногда, когда запах его парфюма ударял в голову, мне хотелось поцеловать Стаса и посмотреть на реакцию.

Вот наши взгляды встречаются. Искра, словно от спички. Еще несколько секунд на раздумье и долгожданное встречное движение. Мммм.... С каждым разом это видение становилось все реальнее и, казалось, вот-вот желанное произойдет наяву, а не в моих глупых мечтах. Но как всегда заходила мама со своим традиционным «я только поставлю вам чаю и уйду» и все обламывала. Отдаляя меня от моей цели и мужчины-мечты все дальше и дальше.

Разумеется, оплачивала я эти занятия из своего кармана. Маме и так было тяжело. На ее шее висели мы с братом, квартплата, кредит подонка-отца, бросившего нас еще в детстве, и сам подонок-отец собственной персоной. Да-да, вы не ослышались. Узнав, что этот тип болен (хрен знает чем, мне все равно, но лучше бы он скорее загнулся от этой дряни), мама решила ему помогать и теперь навещает несколько раз в неделю уже в течение пары лет.

Из-за этого у нее с Пашкой постоянные конфликты. Брат громыхает своими вечеринками, стоит ей только выйти за порог, шокирует татуировками, пирсингом, сигаретами и странного вида деваками, которых он пачками тащит к нам в квартиру. Поэтому я держусь ровно, стараюсь не расстраивать родительницу еще больше. Молчу про свою учебу, подрабатываю переводами, батрачу в свободное время в местной забегаловке и стараюсь не злить. Одного стихийного бедствия на семью, пожалуй, будет достаточно.

Я удобнее устроилась на сиденье напротив выхода. Может, стоило бы полистать конспекты, пока эта тарантайка ползет в сторону универа? Сняла очки, запустила руку в сумку, где приятно шелестели исписанные мною тетрадки. Зеленые, желтые, красные. Мои богатства. Мои верные спутники.

Автобус подскочил на кочке, вытряхивая из меня последние остатки сна (да и мозгов, пожалуй), и сбавил ход лишь перед остановкой. Отпустив конспекты, я покосилась на водителя. Если бы не такой чудесный весенний день, точно бы послала ему мысленно пару крепких ругательств. Лихач хренов!

Повернулась к окну. Солнышко пробивалось сквозь мутные стекла автобуса невероятно прозрачными, яркими лучами, растекающимися по салону, словно медовая акварель. Их блики вспыхивали, отражаясь в хромированных поручнях и даже в моих часах, и рассыпались на десятки солнечных зайчиков на сиденье и под ногами.

Обожаю весну. Природа просыпается, согревает своим свежим дыханием, радуется первыми цветами, звонкими ручейками. И даже музыка в наушниках звучит веселее, заставляя шагать вприпрыжку.

Тц-тц-тц. Опять! Автобус со страшным скрипом притормозил возле остановки. Я убрала за ухо две светлые прядки, упавшие на глаза.

Похоже, водитель на этот раз решил не испытывать терпение пассажиров – остановился, как положено, и открыл двери. Желающих прокатиться в такую прекрасную погоду нашлось немало: целая орава первоклашек с учительницей с шумом влетели и рассосались по сиденьям в хвосте салона, пара бабушек, ворчащих и спорящих друг с другом и со всем белым светом, еле вползли и заняли места рядом с водителем. И как пенсионеры вообще выносят такую жару в своих пальто, зашторенных буквально по подбородок? Да еще и в глухой вязаной шапке в комплекте с платком, плотно обернутым вокруг шеи! Загадка.

Я втянула носом приятный свежий аромат весны, вдруг ворвавшийся в салон. Все-таки лучше этого времени года и быть не может! И плевать на лужи, на грязь, которую приходится месить собственной обувью вплоть до мая, плевать на серые кучи снега и какахи, вдруг оттаявшие после зимы на газонах. Это же весна! И ничего не может быть прекраснее нее!

Я посмотрела на часы и нетерпеливо постучала пальцами по коленке. Пора бы и отправляться, чего он там ждет? У меня важный зачет, нельзя опаздывать. Бросила взгляд в сторону водителя. Типа: эй, чувак, ты уснул там? Он, казалось, перехватил мой взгляд, нахмурился и лениво нажал кнопку, которая закрывает двери.

Вот так уже лучше. А теперь поторопимся, иначе...

Дверь, почти закрытая до конца, заскрежетала, перехваченная чьей-то рукой. Пальцы длинные, покрытые цветными татуировками от ногтей до запястий, увешанные странными массивными кольцами-печатками, вцепились в нее и с силой дернули в обратную сторону. Ветхая конструкция не стала сопротивляться – открылась податливо и мягко.

Через секунду вслед за костлявой рукой появилось такое же костлявое тело. Парень. Высокий, сутулый, в вытянутой, длинной серой футболке, непроницаемых черных очках и потертой кожанке запрыгнул на ступеньку. Я замерла. Голова его качнулась из стороны в сторону, пугающе и опасно. Он словно хищник выискивал глазами жертву. Хотя именно глаз и невозможно было разглядеть сквозь черные стекла.

Перестав мотать головой, взялся за поручень, обвив тот своими безобразными тонкими пальцами, и как-то странно покачнулся, хотя автобус еще не начинал движение. Наклонился всем телом на металлический релинг справа и снова принялся сканировать салон взглядом.

Я выпрямилась, стараясь не дышать. Еще не хватало, чтобы этот наркоман занял место напротив меня. Бледный, помятый, явно страдающий от похмелья или чего там у них, у нариков, бывает, он навалился на поручень, ожидая, пока автобус тронется и наберет скорость. Навис надо мной, как многоэтажка, угрожающе покачиваясь, и уставился... Да блин!

Мне опять не повезло. Это чучело заприметило-таки свободное место!

Парень отпустил поручень и грохнулся на сиденье напротив, как тяжеленный мешок с картошкой. Ну, или с костями. Потому что он явно был изможден, как все любители курнуть, закинуться или уколоться. Сел, вытянул свои длинные худые ноги в узких черных джинсах, расслабил плечи и завис, глядя куда-то

сквозь меня.

По спине пробежал холодок. Взгляд этого чудилы явно был направлен в мою сторону, но вполне могло статься, что он просто спит, а не рассматривает брошку на моем пальто. Я прижала к себе сумку и робко опустила глаза. В пол. А как? Не на него же глядеть? Если он такой наглый и бесцеремонный, пусть пялится на меня. Лично я так не могу.

Посмотрела налево. Старушки уже перешептывались друг с другом, обсуждая странного пассажира, и брезгливо плевались в его сторону. Глянула вправо. Малыши-карандаши застыли с выражением ужаса на лице. Эксцентричный молодой человек с татуировками захватил все их внимание, обеспечив хотя бы на какое-то время, но идеальную тишину в салоне.

Я отвернулась, уставившись вновь на свои кеды, и выдохнула. Ну и что? Да, тип отвратительный. Но не тронет же он никого прямо на глазах всего салона? Пусть себе сидит, а я пока посмотрю на него. И очень осторожно скользнула взглядом снизу вверх.

Кроссовки. Спортивные найки, хай-топы с золотистым логотипом и красными шнурками. Донельзя белые и омерзительно дорогие. Новенькие. Или просто чистые. Ну, не летает же этот экземпляр на метле? Ходит, как и все, по улицам. Значит, только вышел из дома, целомудренно незапачканный, не отмеченный серо-коричневой грязью этой весны.

Руки. Ухоженные, мягкие, с тонкими пальцами. Металлические цепочки и браслеты на запястье. Много татуировок в цвете. Рисунки тянутся диковинными завитушками и загадочными буквами вверх, перемежаясь со штрихами и, кажется, чем-то похожим на черепушку, ныряющую в рукав куртки. Это на одной руке. Вторая чистая, как белый лист, покоится на его ноге.

Поза дерзкая, расслабленная. Положение хозяина жизни. Сидит, не дергается, не собирается даже передавать за проезд. И все будут молчать, никто не скажет ни слова. Даже водитель. Я уверена, потому что и сама бы тоже не заикнулась. Кто знает, что ожидать от такого кадра, расписанного под хохлому?

Подняла глаза выше. Робко, медленно, стараясь делать вид, что думаю о чем-то своем. Куртка: черная, кожаная, с английским воротником, усеянная

металлическими клепками-застежками. Даже со своего места можно было представить, как она пахнет кожей – дорогой, мягкой. И в контраст ей длинная футболка, превосходящая по длине. Серая, линялая, вытянутая. Такой будто несколько раз помыли полы, потом выстирали, высушили и надели снова. Короче, по ходу, тоже адски дорогая вещь.

Чувак сидел, развалившись на сиденье, и мерно покачивался всем телом в такт автобусу. Наверняка еще и ловил кайф от того, как его открыто разглядывает добрая половина салона.

А я тем временем продолжила свое исследование. Подняла глаза выше. В вороте футболки незнакомца красовался очередной рисунок. Татуировка поднималась вверх, раскрашивая шею оттенками синего, красного и желтого, и заканчивалась где-то за левым ухом. Крылья, перья, когти какой-то птицы. А на плече вроде клыки? Не видно полностью, можно только дорисовывать в уме.

Не тело, а холст, блин. Надо же так себя изуродовать. И как люди это делают? Да еще и добровольно? Мне непонятно.

И вдруг я чуть не охнула, заметив, что странный тип пялится на меня прямо поверх слегка спущенных на переносицу очков. Брови нахмурены, губа закушена ровными белыми зубами. Вот ведь наглец!

Быстро отвернулась и уставилась в окно. Не хватало еще, чтобы пристал ко мне со своими предъявами. Еще две остановки, и я буду на месте. Автобус свернул на нужную улицу и ускорил движение. Поглядывая на часы, я чувствовала себя неуютно под этим взглядом, пронзающим насквозь.

Рука наркомана, та, что была от и до изрисована цветными чернилами, шевельнулась, невольно приковывая мое внимание, и медленно потянулась за чем-то во внутренний карман кожаной куртки. Я облизнула пересохшие губы, не зная, чего ожидать, и напряглась всем телом. Секунда, и из кармана показалась алюминиевая банка с какой-то дрянью.

Пиво? Энергетик? Газировка? Не было видно – он обхватил ее своей измалеванной клешней и поставил на коленку. Взялся свободной рукой за язычок на крышке. Не собирается же он открыть ее прямо здесь?! Ужасно бестактно. Брезгливо отвернулась, чтобы убедиться, что и остальные пассажиры

в недоумении.

Большинство пытались делать вид, что заняты чем-то важным, вдруг появившемся на экране смартфона или за окном. И только школьники сидели, с интересом разглядывая чудака и негромко перешептываясь.

Кхш-кшшш...

О, ужас. Я сразу поняла, что это за звук. Он что, не слышал о запрете распития спиртных напитков в общественных местах?! Вскрыл банку, приложил к губам и принялся жадно глотать. Дикарь! Он вообще знает хоть что-нибудь о манерах? Покосилась на него из-под полуприкрытых ресниц, вжала голову в плечи, наблюдая, как содержимое банки, вторя движениям кадыка, исчезает в его желудке.

Выпил все до последней капли. Хмуро оглядывая тару из-под напитка, скривился, разнося свое неудовольствие мелкими морщинками по бледному лицу.

Ох, если он сейчас еще рыгнет, меня вырвет. Точно вырвет. Просто вывернет наизнанку прямо здесь! Вот что за мерзкий тип!

Бросила взгляд за окно. Автобус промчался мимо пустой остановки и двинулся дальше. Отлично, значит, быстрее доеду и успею к началу зачета. К своему Стасу...

Кхш-кххшшшш!

Он в своем уме вообще, нет?! Запредельно громко и невыразимо бессовестно этот тип смял алюминиевую банку в руках, превратив ее в ровный алюминиевый блин.

Блин!

Моя челюсть начала отваливаться, когда он бросил смятую посудину рядом с собой на сиденье. Прикрыв раззявленный от возмущения рот, я сглотнула и оглянулась по сторонам. Никто, буквально никто не хотел конфликта – все

дружно смотрели куда угодно, только не на источник громкого звука.

Повернулась к наглецу. Не дрогнув ни одной мышцей на лице, он невозмутимо достал из кармана жевательную резинку, распечатал и отправил в рот. Фантик, само собой разумеется, полетел туда же, куда и банка. На сиденье рядом. Нарушитель порядка положил локти на спинку сиденья за головой и растянулся ленивым котом, медленно двигая челюстями.

О, моя остановка! Наконец-то.

Схватила сумку, нетерпеливо накинула на плечо и рванула к выходу. Встала всего в метре от татуированного наглеца, боясь даже взяться за поручень возле его плеча. Осторожно ухватилась с другой стороны, переступила с ноги на ногу, считая секунды до полной остановки автобуса. Сейчас этот парень был настолько близко от меня, что при желании можно было бы разглядеть каждую пылинку на его куртке, каждую капельку пота, стекающую вниз по шее в ворот футболки, но я не смела даже краем глаза взглянуть на это «чудо природы».

Тц-тц-тц. Двери открылись, и я спешно ломанулась к выходу. На волю! Скорее. Сколько у меня там в запасе? Три минуты! Да что ж за день такой! Солнце безжалостно поливало своим горячим светом, заставляя зажмуриваться с непривычки. Ускоряясь вдоль по тропинке, ведущей к главному входу, мне вдруг почему-то захотелось обернуться, чтобы последний раз глянуть на всклокоченные, стоящие дыбом черные волосы, вниз от которых, прямо за ухом, разливаясь радугой, тянулась яркая татуировка, ныряющая под воротник крыльями огромной птицы.

Вот зачем мне это? Сурикова, ты что, чудаков в своей жизни не видала? Дома есть один, такой же костлявый, всклокоченный и невоспитанный. Но голова уже поворачивалась, отыскивая взглядом сиденье возле самого выхода. Автобус отъезжал от остановки, набирая скорость. Мутные стекла мелькали одно за другим: первое, второе, третье... Пусто! А дальше взбурдаженные лица школьников, провожающие взглядом... меня.

Меня?! Я обернулась и испуганно вздрогнула, заметив высокую черную фигуру, движущуюся следом. Руки в карманах джинсов, плечи ссутулены, взгляд устремлен под ноги. Чуть не запнувшись, я спрятала глаза, развернулась в сторону универа и добавила скорости.

Не хватало еще попасться ему в лапы. Почему он вышел на моей остановке? Почему идет за мной? Зачем я поперлась по этой тропинке среди деревьев вместо того, чтобы пойти по нормальной дороге, где все ходят? Вот дура!

Шаги, твердые и уверенные, смягченные лишь подошвой дорогих найков, эхом отдавались в голове. Я судорожно перебирала в памяти, что такого у меня лежит в сумочке, что подошло бы в качестве орудия защиты. Наверное, следовало бы взять в руки хотя бы шариковую ручку. Ткнуть в шею, если эта обезьяна подойдет ближе и попробует хотя бы дотронуться до меня.

Хотя зачем человеку явно обеспеченному преследовать кого-то? Чтобы обворовать? Вряд ли. Насиловать посреди бела дня? Нет, он, пожалуй, мучается больше от похмелья, чем от полового зуда, вон какой помятый. Ой, а если этот тип просто нанюхался и ничего не соображает? И еще ускорила шаг. Береженого Бог бережет.

Еще два шага. Какой-то гадкий сучок под ногами. И правая нога предательски завернулась внутрь, откидывая тело вперед. Да вашу-то мать! Я приземлилась на кучу прелой травы возле дороги, инстинктивно вытянув вперед руки. Волосы встрепнулись в воздухе и упали прямо на лицо, закрывая глаза.

Когда падаешь, главное что? Правильно: не запоросячить новый прикид. Поэтому не удивительно, что я успела принять позу человека, готового к отжиманиям. Колени прямые, вес тела на вытянутых руках, кеды упираются в грязь самыми носочками. Сумка съехала с плеча и повисла в сантиметре от земли. Да блин! Блин же!

И как я так умудрилась? Еще и в такой момент, когда тебя преследует неведомое науке существо. Топают позади, аки слон. Все быстрее и быстрее. На водопой, что ли, торопится?

– Помочь? – донеслось вдруг из-за спины.

Насмешливо, но, надо признать, с некоторой долей участия.

Голос оказался глубоким, низким и немного с хрипотцой. Неожиданно приятный, черт его подери. Но на меня подействовал, как будильник, – очень отрезвляюще. Барахтаясь в позе ползущей черепахи, я нервно выдохнула и движением головы

откинула волосы с лица. Переставила ноги, оперлась и встала, спешно отряхивая руки от пыли.

К пальцам прилипли веточки, песчинки, остатки сухой прошлогодней травы. Надо же было так опозориться! Растянуться на глазах у этого... чуда природы! Да еще и...

Опаньки! Бросила взгляд на часы. Одна минута. Одна чертова минута до начала зачета! И я припустила через дорогу, молча и не оглядываясь назад.

А что? Как будто так и надо. Может, я не падала? Может, отжималась? В детстве, поскользываясь зимой, я всякий раз делала вид, что так и было задумано. Кто знает, вдруг мне полежать захотелось, отдохнуть? И нечего так пялиться, а тем более ржать. Вдруг человек ногу сломал? Обидно же.

Метрах в пятидесяти впереди уже маячило здание, в двери которого дружной толпой уже ломились студенты. Ох, и наши тоже, наверное, еще не все собрались. Есть шанс забежать в аудиторию незамеченной. Все, как я люблю. Маша – серая мышка. Маша – невидимка. Маша – только не вызывайте меня к доске для устного ответа.

Отряхивая по пути липкие от травы и грязи ладошки, я неслась к входу. Надо признаться, меня даже разжарило. С одной стороны – чудесное апрельское солнышко, ласково дарящее свой свет. С другой – предвкушение встречи со Стасом.

Вот что за мужчина: видный, красивый, хорошо сложенный. В самом расцвете сил. Всего сорок с небольшим. Да каждая мелкая морщинка на лице только придавала ему особого шарма. И еще эти глаза. Печальные, глубокие. Просто оружие массового поражения! Пожалуй, стоит законодательно обязать всех владельцев таких глаз носить темные очки, дабы не сводить женщин всех возрастов с ума. Если бы он только обратил на меня внимание, я бы уж побеспокоилась о том, чтобы эти глаза засветились от счастья!

Добежала до ворот и не сдержалась. Оглянулась, как бы невзначай, немного повернув голову вбок. Блин, да интересно же, куда свернул этот размалеванный. Скользнула по асфальту, пробежалась взглядом по бортику, еще немного... оп...

Нет-нет-нет-нет! Мои опасения подтверждались. Странный парень топал прямо за мной! Лениво и не торопясь. Прямоком к зданию университета. Я опять добавила скорости. Лучше бежать быстрее Усейна Болта и предпоследней зайти в шумную аудиторию, чем опоздать, приковывая к себе внимание тридцати пар любопытных глаз.

Ужасно захотелось вновь обернуться. Что это со мной сегодня? Странно, что я не видела этого дылду здесь раньше. Интересно, где он мог учиться? Что за специальность? Будущий айтишник разве что. Ну, не математик же, не историк, не культуролог, не юрист? Скорее всего, даже не учился здесь, пришел, наверное, встретить кого-то. Такого я бы раньше заприметила, точно.

– Здравствуйте, – почти неслышно буркнула я себе под нос, забегая в здание.

Охранник молча кивнул. Он кивал всем. Такая у него была работа. Сейчас поток схлынет, и можно будет вернуться к заунывному чтению желтых газет с кроссвордами. Ему уже не терпелось, поэтому он, хмурясь, поглядывал на часы.

Поток студентов немного стопорился возле турникета. После прошедших недавно учений с этим делом стало строго. Дежурные на вахте следили в оба, чтобы все шло по правилам. Никто не перепрыгивал, не проходил, прилипнув к чужой спине. Один «пик», зеленая стрелочка, проходит один человек, потом следующий.

Это всех раздражало, но высказываться было бесполезно. И я тоже терпеливо ждала своей очереди.

Наконец-то! Подошла ближе, подталкиваемая чьими-то тычками в спину, приложила сумку. Кх-хм. Прокашлялась, ожидая заветного сигнала. Но ничего не произошло. Потее, перевернула сумку другой стороной. Приложила. Опять ноль эмоций. Да японский городовой! Пресвятой Оксфордский словарь, чтоб тебя!

Сзади кто-то громко выругался. Взгляд охранника тут же метнулся в толпу, пытаюсь вычислить нарушителя, но народа было слишком много.

Я продолжала прикладывать сумку к турникету, старательно перетряхивая содержимое. И опять все тщетно.

– Дай уже другим пройти! – выкрикнули за спиной.

– Пропустите, пожалуйста, – скрасив жалобную мину, пропищала я в сторону охранника. – Опаздываю на зачет. Откройте, а?

– Не положено. Ищите пропуск или отправляйтесь домой. – Взгляд мужчины говорил о его непоколебимости. Он собирался отработать свою зарплату до последней копейки.

– Ну, что вам стоит? – Мне ужасно не хотелось рыться в сумке при всех.

– Отойдите в сторону, девушка. Вы задерживаете остальных!

Бросил, не глядя, и даже бровью не повел. А в это время чьи-то сильные руки уже отодвинули меня в сторону.

– Можно хотя бы не толкать?! – гневно бросила я, дернув плечом.

– Подвинься, – пробубнил какой-то широкоплечий гад в синей толстовке.

Я отошла в сторону и расстегнула сумку. Ее содержимое напоминало белье после стирки в барабане машины. Косметика выпала из косметички и рассыпалась, перемешавшись с очками, сотовым, ключами от квартиры и блокнотами с цветными ручками. Два ощутимых неприятных тычка достались мне одновременно с двух сторон.

– Да бли-и-ин! – Я готова была зарычать от досады. – О, Галя! Галя, стой!

Я крепко схватила девчонку за рукав. Ответом мне был пренебрежительный взгляд сквозь толстые стекла очков.

– Что? – спросила одноклассница, вырывая руку.

– Галя, я не могу найти свою карточку.

– И?

Эти ботаники иногда могут быть ужасно занудными. Мне уже хотелось потрясти ее за плечи как следует.

– Галя, дай мне свой пропуск, как пройдешь. Пожалуйста! Просунь вот здесь, а?

– Я не могу. – Она вздохнула, наградив меня сочувствующим взглядом.

– Ну, почему?

Еще один взгляд. Так жалеют умалишенных, сирых и убогих.

– Я пройду. Система отметит, что я в здании. Ты не сможешь войти, пока система не выпустит меня отсюда.

– Что?

– Не сработает пропуск, что! – Она двинулась к турникету. – Потому что я буду в здании. Ты разве не понимаешь, как это работает?

– Блин. – Я опустила руки.

Стоило бы выбраться на волю, чтобы хорошенько перетряхнуть содержимое сумки. Еще есть время. И зачет успею сдать, и со Стасом повидаться. Поток студентов, жаждущих успеть к началу занятия, потихоньку иссяк. Поэтому я легко выбралась на крыльцо.

Судорожно начала рыться в сумке. Каких только удивительных вещей там не было скрыто. Билеты в кино, куда мы с Пашкой ходили еще осенью, наушники, запутанные и связанные узелком, фонарик (на черта мне фонарик?), старая жвачка, завернутая в фантик, сто рублей, зажигалка, духи. Смысла не было перебирать этот хлам по второму кругу. Нужно было сесть.

И я направилась за угол к моей любимой скамейке. Всю дорогу туда, рискуя вновь растянуться на асфальте, я копалась в бездонных карманах. Натыкалась на скрепки, пуговицы, монетки. Это вообще карманы или кладбище потерянных вещей, а? Извлекла на свет божий квитанцию из ремонта обуви, скомкала и швырнула в урну возле скамьи. Ноги запутались в обрывках сигнальной ленты.

Наступила на нее, отдирая от кед, и замерла.

Взгляд застыл на идеально белых кроссовках с красными шнурками. Таких знакомых. Но откуда? Вот ведь блин!!!

Меня словно молнией прошибло. Во рту пересохло, и ужасно захотелось почесаться. Везде. Чтобы снять нервное напряжение. Я так была занята выгребанием мусора из карманов, что не заметила присутствия на своей любимой скамейке высокого незнакомца. Того самого, о существовании которого уже успела забыть в горячке поисков потерянного пропуска.

– Привет. – Он улыбался, самодовольно и нахально.

Очки подняты на лоб, вздымая непокорную черную челку. Куртка распахнута, обнажая футболку, облегающую крепкие мышцы. Да, черт возьми, они у него были! Не качок, не спортсмен, но и не вялый дрищ. Худой, жилистый, поджарый, как гончая. При свете дня он уже не смотрелся бледным подобием человека. Всего несколько минут, а такое нехилое преображение.

Поза парня уже не была такой вызывающей. Он сидел, немного наклонившись вперед, уперев ладонь в колено и курил, зажав сигарету между пальцами руки, свободной от татуировок.

– Угу, – отозвалась я и, лишь скользнув по нему взглядом, отошла на два шага назад.

Снова полезла в сумку. Не бежать же мне отсюда. Но и здороваться с незнакомцами тоже не собираюсь. Продолжила копаться. Жаль, нельзя было все взять и вывалить на ровную поверхность. В этом болоте черт ногу сломит. Мусорка, а не сумка, честное слово. Не подумайте, я не неряха. Вроде. Сама не представляю, как до такой жизни дошла. В общем-то, и не нарочно. Просто, как все девочки, складывала, складывала туда все возможное, пока было место. И забывала доставать.

Нормальная женская сумка. Но есть подозрение, что если заглянуть туда с головой, засосет все тело. Прямо сюжет для фэнтези: попаданка в мире смятого мусора, косметики и потерянных вещей. Стоило бы в ней прибраться. Да. Сразу, как найду пропуск, сдам зачет и вернусь домой. Где же он?

– Да сядь ты, я не кусаюсь, не бойся! – рассмеялся парень, стряхивая пепел в урну.

Вероятно, ему стало жалко смотреть, как я, изображая цаплю, стою на одной ноге, коленом другой поддерживая сумку и рискуя, потеряв равновесие, грохнуться. Я почти рычала, ругая собственную забывчивость, ведь карточка никак не находилась. Готова была рвать на себе волосы.

Пожалуй, можно и присесть. На другой край лавки. Так удобнее будет искать. Не съест же он меня?

Оторвалась от сумки и посмотрела на незнакомца. Бесконечные ноги в черных джинсах, сигаретный дым, плотной серой струей вырывающийся из напряженных губ, и взгляд. Пронзительный, испытующий взгляд сине-зеленых глаз, смотрящий прямо в душу. С ресницами длинными, пушистыми, делающими лицо немного наивным, как у ребенка, но почему-то ужасно притягательным.

Да уж. Было в нем что-то такое, немножко растерянное, смущенное и приветливое. И на этой скамейке возле универа он уже не смотрелся таким чудачком.

А, была не была!

Делая вид, что не замечаю парня, и гордо задрав подбородок, я плюхнулась на противоположный край скамьи. Вытянула ноги, глядя, как сигнальная лента бело-красного цвета пляшет на ветру, зацепившись за ветку акации. И вдохнула легкий весенний ветерок, налетевший вдруг со стороны незнакомца и принесший с собой пряный запах его туалетной воды и что-то такое неуловимое...

Что это? Похожее на... растворитель? Лак? Хм. Будто где-то поблизости делают ремонт. Поставила сумку на колени, открыла шире и хотела повернуться полубоком, чтобы скрыть содержимое от сидящего в метре нечаянного соседа. Шевельнулась и ощутила что-то странное.

Не поняла. Повела плечом. Еще раз. Пальто намертво прилипло к сиденью. Хотя нет, не намертво. Медленно, со звуком кх-кхх, оно отклеивалось от скамейки. Чувствуя, что шок от осознания произошедшего вот-вот сменится настоящей истерикой, я перевела взгляд на парня.

Эта сволочь тихо хохотала, прикрыв глаза. Дрожал всем телом, силясь не заржать в голос и осыпая пеплом недокуренной сигареты собственные джинсы. В моей голове пронеслось все: сигнальная лента, оборванная и болтающаяся на дереве, запах краски, донесшийся откуда-то поблизости, и это лицо напротив: растерянно-наивное. И слова: да сядь ты.

Покрываясь пунцовыми пятнами от злости, я произнесла:

– П-покрашено, что ли?

– Ага. – Он швырнул окурок в урну и согнулся наполовину от смеха.

– Зачем? – Попыталась привстать, наблюдая, как отлипают светлые ворсинки пальто, насквозь пропитанные краской. Все. Эту вещь было уже не спасти. Меня почти затрясло от злости. – На хрена ты мне сказал сесть, если знал, что она покрашена?!

Парень окинул меня оценивающим взглядом, оторвал от скамейки спину с ужасающим звуком, какой можно слышать разве что на депиляции, и улыбнулся во все тридцать два ровных зуба. Вот же наглец! Этот козел знал, что сидит на краске, что его кожанку и джинсы уже не спасти, и предложил мне сесть тоже! Просто урод! Засранец!

– Знал, конечно, – кивнул он, сдерживая смех. – А что мне здесь, одному сидеть, как дебилу?

И заржал.

– А ты и есть дебил! Нет, даже хуже! Дегенерат, блин, недоделанный!

Я так растерялась, что не знала, то ли вскочить, то ли остаться сидеть приклеенной своим новым пальто к чертовой скамейке. Или разрыдаться, как

маленькой. Потому что слезы отчаяния уже подкатили, прозрачной пеленой накрывая зрачки. В горле встал ком, лишивший меня дара речи.

– Эй, не обзывайся. – Он нагнулся, заглядывая мне в лицо. Заметил дрожащую влагу в уголках глаз, нахмурился. От улыбки не осталось и следа. – Это некультурно.

Сказал растерянно, смущенно, видимо, понимая, что я готова вот-вот расплакаться.

– К-культурно? – Сглотнула, пытаюсь подобрать слова. – Да что ты знаешь о культуре, чертов обдолбыш?!

Его глаза удивленно распахнулись. Но мне уже было все равно. Опоздала на зачет, к которому усердно готовилась, не повидалась со Стасом, испортила новое пальто, на которое так долго копила! Что еще может быть хуже?! Поэтому мне совершенно было наплевать, задену ли я его чувства, обзываясь.

Вскочила, буквально вынырнув из рукавов пальто, и принялась отклеивать его от скамейки. Медленно и осторожно. Сопровождая сие действие смачными ругательствами, качеству и количеству которых позавидовали бы все работники сапожных мастерских вместе взятые.

– Все, я понял. Понял. – Он вдруг встал, нависнув надо мной черной тенью, и зачем-то вытянул руки. – Не нужно было так шутить. Дай помогу, не ругайся, а то у меня кровь из ушей сейчас потечет.

– Убрал свои грабли, живо! – отмахнулась я, чувствуя, как предательски трясется нижняя губа.

– Послушай, ну. Я уже понял, что поступил подло. – Парень совершенно не интересовался тем, как поживает его собственная одежда. Суетливо крутился вокруг меня, боясь, видимо, разозлить еще сильнее и не решаясь помочь. – Глупо получилось, да.

– Глупо?! – Я силой рванула пальто, перевернула его, оглядывая испачканную спинку, и еще раз грязно выругалась. – Это ты называешь глупо? Чертов debil!

Ты все мозги себе, что ли, прокурил?

– Да я не...

– Посмотри, что ты наделал! Ты на хрена меня заставил сесть сюда, если сам уже вляпался.

– Ну, – он виновато посмотрел, почесывая шею, – одному не так стремно.

– Что?! – Подняла на него взгляд, бессильно сотрясая в воздухе крашеным пальто.

Парень казался искренне растерянным и смущенным. Прикусил губу, ссутулил плечи, согнулся в три погибели, все еще загадочным образом оставаясь выше меня на полторы головы.

– Я думал, это будет веселым способом познакомиться.

– Познакомиться? – Мне казалось, я вот-вот взорвусь, настолько гнев переполнял сейчас мой рассудок.

– Ну, да... – Опустил голову с виноватым видом.

– С кем? С тобой я должна знакомиться?! Посмотри на себя!

– А что со мной не так? – Он честно оглядел свой прикид, не забыв посмотреть и на ядовито-белые кроссовки. – Вполне хорош собой, девушкам нравится. Можно сказать, красавчик.

– Красавчик? – У меня даже опустились руки. – Где красавчик? – Посмотрела по сторонам, пожала плечами. – Ты, что ли? Не смей меня.

– А что тебе не нравится? – Выпрямился, выпячивая грудь колесом.

– Да подойди ко мне на улице такой, – показала в воздухе пальцами «кавычки», – красавчик – я бы бежала, не оглядываясь.

– Ага, пока бы не навернулась, – усмехнулся неудачливый шутник, напоминая о небольшом конфузе, произошедшем со мной несколько минут назад.

– Ты у нас, значит, любитель поржать? Весело тебе?

– Ага.

– Тупой подкат, ясно? Не хватило ума на что-то вменяемое?

– Послушай, – осторожно начал он, взмахнув руками, – я правда не подумал.

Я готова была зарычать от кипевшей во мне ярости. Вывернула пальто, скрутила и бросила ему в руки.

– На, мне оно больше не пригодится. Можешь даже носить. С такой росписью, – указала на его татуировки, растянувшиеся от уха до груди, – на полосы краски во всю спину никто и внимания не обратит.

Поправила сумку на плече, бросила на него последний негодующий взгляд и сорвалась с места, как гоночный болид.

Только бы свалить отсюда поскорее, закрыться в своей комнате и колотить кулаками подушку, пока не полегчает.

– Эй, куда ты? – слышалось вдруг за спиной. Сказал это обескураженно и, я бы даже сказала, жалобно. Видимо, ему не очень понравился тот факт, что придется идти по улице в таком виде. – Это же всего лишь пальто!

– Что?! – Знаете, так оборачиваются в крутых боевиках? Или в старых добрых комедиях, где Марлон Уэйэнс говорил: «What did you say about my mama?» Наклонял голову набок, плющил возмущенную физиономию и палил по злодеям из пушки. Ба-ба-ба-бах!

Я молниеносно преодолела расстояние обратно до обидчика и ткнула пальцем в его грудь (была бы пушка, вышло бы эффектнее). Ну и что, что невоспитанно. А насколько воспитанным было приглашать меня присесть на свежеевыкрашенную лавку?

– Всего лишь пальто, значит? Да?! Для тебя это, конечно, всего лишь пальто. А мне пришлось вкалывать, чтобы его себе купить. Целых полгода! Понятно?!

Конечно, я не планировала его разжалобить. Просто хотела, чтобы это холеный мерзавец хоть на секунду задумался, что не всем все так просто достается в этом мире.

– Ох, прости, коротыш. Я же не знал.

– Кто?! – Аж волосы зашевелились на голове. – Это я – коротыш? – Посмотрела на него снизу вверх, почти лопааясь от возмущения.

– Ага, такая малышка и так прикольно злишься. – Пожал плечами, улыбаясь.

Кто этот парень? Откуда взялся и почему считает себя вправе рассуждать о моем росте и поведении? И смотрит на меня так... свободно, открыто. Чуть наклонив голову набок и приподняв брови, словно потешаясь.

– А ты... ты... долговязый!

Снова ткнула пальцем ему в грудь. Сильно и, надеюсь, больно. Даже желтый лак с ногтя чуть не отпал. Могла бы – ввинтила ему этот палец прямо в мозг, будто саморез.

– Метр с кепкой.

Мои глаза полезли из орбит. Ах, вот ты как, значит!

– Дядя Степа!

Он оставался совершенно невозмутимым. И продолжал насмехаться, глядя с высоты своего роста.

– Мелочь пузатая.

– Гулливер!

– Карлик.

Чуть не задохнулась от возмущения.

– Верзила! – И топнула ногой.

Нагнулся ко мне, еле сдерживая смех.

– Крошка. – Сказал это почти ласково, приблизившись к моему лицу на расстояние, показавшееся почти критическим. Меньше двадцати сантиметров от моего носа.

– Жердь! – Наверное, с таким бессилием и отчаянием гавкала бы Моська на слона.

– Все, сдаюсь. – Он рассмеялся, прижимая мое пальто к своей груди. – Я куплю тебе новое. Хорошо?

– Пошли, – радостно указала я в сторону дороги. – Тут недалеко есть магазин.

– Не сейчас, – замялся незнакомец.

– А что такое? – усмехнулась я. – Мамину карточку дома забыл? Вот печалька-то, а!

– Я что, похож на маменькиного сынка? – Вопросительно склонил голову.

– Еще как! На зажравшегося прожигателя жизни похож.

– Я? – Кажется, он не верил моим словам.

– Да. – Я сложила руки на груди. – На ленивого, наглого и хамоватого прожигателя жизни. Вот.

– Сдурела.

– Я? Ты – сдурел!

– На себя посмотри. – Вздыхнул устало и в который уже раз покачал головой. – Козьявка, а материшься, как слесарь.

– Лучше сам посмотри в зеркало. Ты попал в плен к татуировщикам? Или просто уснул на свежем граффити? А? – Я гордо задрала подбородок. – Тебе еще и придется идти сейчас по улице, как бомжу. Вон, смотри, задница вся в краске. Спина – та же фигня.

– Нормально я выгляжу, – даже не собираясь рассматривать свои тылы, заявил незнакомец.

– Скажи это своему отражению в зеркале. – Я закатила глаза. – Часто будешь повторять и сам поверишь. А пока у тебя такой видок... с которым в приличное место вряд ли пустят.

– Ну тебя, – почти обиженно произнес он, поджав губы.

Мне хотелось развернуться и уйти, но вперед полезла дерзость. Эта суриковская неконтролируемая дерзость размером с целую планету, которая всегда спасала в любой непонятной ситуации.

– Гони мне бабки за новое пальто!

Смело. Нагло. Почти круто. Молодец, Сурикова, просто молодец.

– Не, я уже передумал, – прищурился незнакомец. Тоже не лыком шит, оказывается. – Скамейку не я красил, тебя тоже насильно не усаживал.

– Вот так, значит. Да как скажешь! – Развернулась и припустила прочь с территории универа.

Проигрывать я не умела. А вот уходить красиво – завсегда пожалуйста.

– Вот стерва! – Сзади слышались торопливые шаги. – Куплю я тебе новое, обещаю.

– Не надо мне ничего от тебя! – взвизгнула, не оборачиваясь. – Вали!

– Нет, не сваю.

Остановилась, посмотрела зло и прошипела:

– Отвали, я сказала. Иди, куда шел. Не надо за мной ходить.

– А я пойду.

– Нет.

Подошел, бесцеремонно коснулся моего плеча и тут же, словно обжегшись, отпустил. Вот и правильно, иначе я бы его эту хваталку испепелила сейчас своим взглядом похлеще лазера.

– Дай мне свой номер телефона. – Лучик солнца, пробившийся сквозь листву старого тополя, скользнул по его лицу, заставив забавно поморщиться и сомкнуть длинные ресницы. – Завезу тебе вечером деньги.

– Не нужно мне ничего от тебя. – Я запрыгнула на бортик и, стараясь сохранять равновесие, пошла вперед.

– Тогда просто провожу тебя, – раздался упрямый голос сзади.

Обернулась и покачала головой. Каланча, сверкая на солнце всеми цветами радуги, плелся за мной, улыбаясь, как придурок. Готовый подхватить в любую секунду. Вот что за идиот. Еще и расписной. За что мне все это?

– Тридцать тыщ, – внезапно сморозила я, боясь напугать и продешевить одновременно.

– Сколько? – догнав и удивленно выставив на меня свои сине-зеленые гляделки, спросил он.

– Тридцать!

– Пффф. За тонкое летнее пальтишко? – вздохнул он. – Ну, ладно.

Согласился так быстро и легко. Даже подозрительно. Повернула голову, не забыв соорудить самую обиженную физиономию. Парень продолжал идти рядом, удивительным образом умудряясь обходить все лужи и оставаться выше меня. Да уж, чтобы смотреть на него сверху вниз, придется встать на табуретку.

– Нет, мне правда ничего от тебя не надо. – Сказала уже спокойнее. Почти миролюбиво. – Иди своей дорогой.

– Вот не хочется. Совсем.

– Слушай! – перебежав через дорогу и вновь запрыгнув на бортик, воскликнула я. – Не нужно меня преследовать, хорошо? Иди домой, переоденься. Оставь меня в покое.

– А, может, ты мне понравилась?

Сказал с усмешкой, явно издевается. Вот гад. Я решила не удостаивать его взгляда, даже несмотря на то, что было страшно любопытно посмотреть, с каким выражением лица он это сказал.

– Тебе что, раньше девушки никогда не отказывали?

– Нет. – Ответил просто, спокойно и, кажется, даже искренне.

– Никогда?

– Никогда.

– Что за девушки тебе попадались такие? – намеренно скривившись, рассмеялась я.

– Нормальные девушки. – Поправил очки, успев при этом гордо встряхнуть челкой. – Красивые, как на подбор.

– Значит, у них совершенно нет вкуса.

– Вовсе не обязательно говорить гадости, чтобы я отстал. – Ох, уж этот его голос с хрипотцой. – Все равно не поверю. – Подал мне руку, чтобы помочь перепрыгнуть через лужу. Проигнорировав ее, я лихо скакнула вперед и приземлилась аккурат с другой стороны. Вполне себе элегантно. – Горного козлика изображаешь?

Сдержалась от очередных ругательств. В таком молчании мы прошли еще несколько минут.

– Отстань уже от меня, а? – Повернула за угол и произнесла устало. – Зачем ты меня преследуешь? И так весь день из-за тебя насмарку.

– Провожая.

Мне вдруг захотелось сказать ему что-нибудь, чтобы он не ушел. С ним даже молчать было прикольно. Так хорошо, блин. Но вместо этого вырвалось:

– Джентльмен нашелся, тоже мне.

– Слушай, коротыш, остынь уже, а? Я же извинился.

– Я тебе не...

– Хочешь мороженого? – вдруг спросил он, посмотрев на меня.

– Нет. – К голове сразу прилило столько крови, что, кажется, от малейшего движения ее могло оторвать, окатив всю улицу миллионом брызг. Я поспешила спрятать глаза.

– А что хочешь? Может, посидим где-нибудь, когда я переоденусь? А то на меня все смотрят.

– О, поверь, это даже не из-за краски на твоей спине.

– Так посидим?

Надеюсь, он не видит, как я засветилась изнутри. Меня уже сто лет никто не приглашал куда-то посидеть.

– Ни за что!

Продолжил идти рядом, улыбаясь.

– Вот ведь упрямая.

– Какая уж есть.

– Да прости ты уже меня за эту шутку. Согласен, дурацкая.

– Еще какая дурацкая! – Взглянула втихаря на его руку, украшенную странными рисунками.

– Зато теперь я вижу твою фигурку без этого дурацкого пальто. Кстати, можно я выброшу его в урну?

– Не знаю, зачем ты все еще его тащишь за собой.

– Тогда попрощайся с ним. – Он сунул мою любимую вещь в мусорку. Безжалостно и легко. – Давай помаши ему ручкой!

Надеюсь, никто не слышал, как в этот момент стучало мое сердце?

– Может, еще похороны устроить? – съязвила я, стискивая зубы. Все-таки очень жалко было хорошую вещь. Дорогую для меня и такую стильную.

– Итак, возвращаясь к фигурке...

– Ой, не надо, прошу.

– Хорошо. У тебя классная кофта.

– Свитшот.

– Не умничай. – Он вскочил на бортик позади меня и пошел, качаясь и размахивая длинными руками.

– Свитшот, – повторила я упрямо.

– Да как не назови. Я заценил его. Там у тебя чуваки из Chromeo. Почти нормальная музыка.

– Не почти, а нормальная.

– Обожаю у них вот эту. – Чтоб мне оглохнуть, но он и впрямь затянул: – Don't turn the lights on, cause tonight I want to see you in the dark.

И я не могла не похвалить про себя его произношение. Вот чертов гад, пожалуй, он и впрямь не так плох, как показался сначала.

– Все, хватит, хватит. – оборвала я его. – Сейчас на нас еще пристальнее будут пялиться. Что-то ты разошелся. Тебе домой не пора?

– Нет, я хочу узнать, где ты живешь.

– Ну тебя. – Я остановилась, резко обернулась и тут же впечаталась носом в ямочку меж его ключиц. – Ой...

– Прости. – Будто специально навалился на меня, обхватив руками за плечи. Воспользовался моментом, хитрюга.

Я невольно закрыла глаза, окунаясь в терпкий запах его парфюма, и тут же дернулась, спеша развернуться, словно ошпаренная, только бы не встретиться с ним взглядом. Щеки моментально налились густым красным. Только не обгоняй! Только не смотри мне в лицо. Руки сами потянулись к сумке. Нащупала пачку, зажигалку, вытащила одну сигарету и прикурила на ходу. Затянулась, стараясь успокоиться и слушая шаги за спиной.

– Ого. – Вытянул голову, будто жираф. Обогнал меня в два шага, зыркнул недовольно и как-то даже строго. – Ты куришь?!

– А ты чем там занимался на лавочке? Цветочки нюхал? – Выпустила дым ему прямо в лицо и чуть не навернулась, еле сохранив в последний момент равновесие. – Разве у нас это запрещено? Или сопроводишь меня в специально отведенное для этого место?

– Значит, больше не куришь... – Щурясь на весеннем солнышке и совершенно забыв про очки, болтавшиеся над лбом, он потянул ко мне руку.

– Чт... – только и успела вскрикнуть я, глядя, как этот хам выхватывает сигарету прямо у меня изо рта и отшвыривает подальше.

– Так лучше. – Довольно улыбнулся самому себе и покачал головой.

– Ты кем себя возомнил?! – ускорая шаг и доставая следующую сигарету, возмутилась я.

– Тебе не идет.

– И что?

– При мне ты точно курить не будешь. – И следующая сигарета, задержавшись меж моих губ меньше секунды, полетела вслед за предыдущей. – Так будет каждый раз, когда ты попробуешь сделать это снова.

– Очуметь. – Я выдохнула, пытаюсь справиться с волнением. – Еще одна такая выходка, и я за себя не ручаюсь!

Этот татуированный гад поступал со мной точь-в-точь как Пашка. Может, я реально выгляжу мелкой, как ребенок? Что они все меня строят, учат, пытаются лепить то, что им надо? Да пошли вы все!

Достала всю пачку, но не успела открыть, как она выскочила из моих рук и полетела в урну.

– Слышь, ты достал меня уже! – Огрызнулась, отмахиваясь от него ладошками. – Вали куда хочешь. Ты чего ко мне привязался?! Лапы убери!

– Я только провожу тебя и свалю. – Нахмурился так, что лоб весь заполнился складочками.

– Не нужно. Мы уже пришли. – Я повернула во двор и ускорила шаг, направляясь к своему подъезду.

Чеканила шаг, поднимая в воздух всю пыль с дороги. Топала, вдавливая всю свою ярость в асфальт подошвами кед. Руки, сжатые в кулаки, дрожали от негодования, воздух со свистом вырывался из носа. Запрыгнула на бортик, осознав вдруг, что не слышу за спиной тяжелых шагов того, кого мне сейчас просто хотелось прибить на месте. Обернулась.

Он стоял так близко, что я чувствовала даже запах его шампуня. Вдруг поднял руку, обхватил меня ладонью за затылок и притянул к себе. Резко, но чертовски нежно (и как у него так получилось?).

Поцеловал.

Чтоб мне провалиться прямо на этом месте!

Его губы, горячие, мягкие, едва ощутимо коснулись моих. Прижались. Уже требовательно, настойчиво и упрямо. И почему-то не встретив совершенно никакого сопротивления! Я даже (ох, как ненавижу себя), кажется, немного застонала, чувствуя, как перехватывает дыхание. Прильнула всем телом и позволила его языку проникнуть в мой рот, отвечая на поцелуй.

И лишь когда его наглая рука, привыкшая, очевидно, ко вседозволенности, скользнула вниз по моей спине, я оторвалась и вдруг ошеломленно захлопала глазами, будто от резкого света. Не веря в то, что сейчас произошло, не понимая вообще, как оно могло произойти. Не успела довольная ухмылка зажечься на его лице, как моя ладонь звонким шлепком опустилась на его щеку.

Хрясь! Он даже отскочил, прикрывая рукой место пощечины, горящее красным, точно как и мои губы с такой легкостью, отвечавшие ему взаимностью.

– Т-ты... – Я задыхалась от возмущения. – Т-ты!

– Скажи еще, что тебе не понравилось. – Он и не думал сдаваться. Поглаживал щеку, улыбаясь своей фирменной открытой улыбкой.

– Не приближайся. – Отошла на шаг, вытянув вперед руку. – Еще раз повторишь подобное и... и...

Как же меня уже раздражало его поведение! Просто бесило! И эта самодовольная ухмылочка! Чтоб ему провалиться...

– Ладно. Прости. – Он, похоже, опять издевался, нависая надо мной, словно девятиэтажка. – Может... Повторим как-нибудь?

Прежде чем я пришла в себя, в голове яркой вспышкой пронеслось воспоминание о странном чувстве полета, испытанном всего несколько секунд назад. Со мной такое было впервые. Удивительное чувство.

– Видишь вон там? – Я показала дрожащим пальцем на окно, в котором уже торчал обеспокоенный Пашка. Он стоял, тревожно наклонившись на подоконник, и щурился, пытаясь разглядеть моего спутника. – Это мой парень. Гляди, как задержался, брови нахмурил. Помаши ему ручкой.

– Не больно-то симпатичный у тебя парень, – сказал мой спутник, бросив короткий взгляд вверх. – Хилый какой-то.

– Посильнее тебя будет! Смотри, штору задернул. Лучше тебе валить, да поскорее, иначе костей не соберешь.

Подошел близко, давая мне почувствовать его дыхание на своем лице.

– Я не бегаяю от ревнивых мужиков.

– Лучше тебе последовать моему совету, поверь. – Сглотнула, еле удерживаясь, чтобы не замахнуться вновь. – Если он видел, как ты клещом впивался в мой рот, то тебе точно хана.

– Да я могу снова все повторить даже при нем, – ответил он. – Тем более, что тебе понравилось.

– Мне?!

Нет, вы это слышали? Вот это самомнение!

– Ага. – В его голосе вновь послышалась насмешка.

– Ничего подобного, – отрицательно покачала головой.

– Понра-авилось, по глазам вижу.

– Да иди ты к черту! Проваливай. – Развернулась и направилась к подъезду. – Больной!

– Эй, стой. Я же не знаю, как тебя зовут!

– И что? – Остановилась у дверей, глянув на него пренебрежительно и безразлично. – Зачем тебе это?

– Вдруг захочу поцеловать тебя еще раз?

– Да ни за что на свете!

Почесал крылатую птицу, набитую на шее.

– Это мы еще посмотрим.

– Слышь, ты, мистер самонадеянность. – Внимательно посмотрела на него. – Я мечтаю больше тебя никогда не увидеть, понял?

– Что-то мне подсказывает, что все получится с точностью до наоборот! – Улыбнулся так, словно ничего необычного только что не произошло между ними. Так, словно бы мы были знакомы миллион лет и каждый день прощались вот так, у этого подъезда.

– Обойдешься!

– Спорим? – Ловким движением спустил очки на глаза.

– Чего?

– Спорим, что я буду тебя целовать, и еще не раз?

Сегодня определенно странный день. Я с вызовом сложила руки на груди.

– Аха-ха! Никогда!

Его не смутил мой отказ. Наоборот, улыбка растянулась в язвительную усмешку.

– О втором поцелуе ты попросишь меня сама, как тебе? – Достал сигарету, прикурил от зажигалки и выдохнул несколько колечек в сторону от меня.

– Иди-ка ты подальше. – Закусила губу. – Вон, дуй отсюда, катись колбаской!

– Если я, конечно, не сдержусь, то поцелую тебя сам.

Я рассмеялась, будто услышала самую смешную шутку в своей жизни. Нарочито и, как мне самой показалось, вполне эффектно.

– Размечтался! – Выдохнула, стараясь держать лицо.

Мне начинали нравиться его целеустремленность и упрямство. Только вот и я крепкий орешек. Не по зубам такому, как он.

– Но придет день, когда ты сама будешь просить поцеловать тебя. Спорим?

– Я? – Оглядела его с ног до головы. Презрительно и брезгливо. – Никогда!

– Тогда спорим? – Насмешливо и с вызовом посмотрел на меня, вытягивая руку.

– Нет.

– Спорим?

– А черт с тобой! – Я-то в себе уверена. – Давай!

Наши ладони сплелись в крепком рукопожатии. Мои маленькие и хрупкие и его – горячие и сильные.

– Если ты проиграешь... – Посмотрел загадочно, как обычно проникая своими глазищами в самую душу. – А ты проиграешь. Короче, если ты проиграешь, я собственными руками сделаю тебе татуху.

– Что?!

– Да. Какую захочу и где захочу. На мое усмотрение.

– Да пожалуйста. Тебе все равно не светит. А я что получу?

– Ну, если ты будешь стойко держаться до самой старости, то перед смертью сможешь сказать, что выиграла.

– Пф... Какой дурацкий спор.

– Но ты проиграешь гораздо быстрее.

– Ты всегда такой самоуверенный?

– Абсолютно.

– Тем приятнее будет тебя обломать.

– Не выйдет. – Засиял ярче новогодней елки. – Ты на меня запала. По глазам вижу.

– Конченный псих. – Отмахнулась, открывая дверь.

– Пока, лилипут!

– Пока, дылда!

– Мой полурослик...

Даже дыхание перехватило. Мой... Сказано так смело и... многообещающе.

– Каланча! – не растерялась я.

– Клопик мой диванный...

– Вот дубина!

– Я запомнил, где ты живешь.

– Катись уже! – бросила я и скрылась в подъезде.

Ужасно хотелось добежать до окошка между первым и вторым этажами и посмотреть, как он удаляется вдаль по дороге, мелькая бело-черной полосатой спиной. Но громкие шаги на лестнице заставили меня вернуться к реальности. Похоже, это было тем самым, чего я так сильно боялась.

Пашка вывернул из-за угла и торопливо засеменял по ступенькам вниз в одних пижамных брюках и старых тапках. С голым торсом и всклокоченными после сна волосами. Несся напролом, грозя смести все на своем пути. Даже меня в темноте тамбура заметил не сразу.

Я преградила ему путь, крепко обхватив за руки.

– Нет, ты пусти меня! – Он резко выдернул свои запястья из моих ладоней.

– Паш, нет, Паша. Паша! – Поняв, что он завелся сильнее положенного, я запрыгнула на него, обвиняя сразу руками и ногами, и уткнулась носом в шею.

Он остановился, пытаюсь освободиться, но мои объятия были крепче, чем у ленивца, обхватившего дерево. Брат замер, тяжело дыша. Его руки встrepенулись, замерли в воздухе и обреченно опустились на мою спину.

– Тебе придется объяснить, что это за размалеванный уркаган стоял с тобой возле подъезда. И почему он посмел распускать свои клешни.

– Хорошо. Только пойдем домой?

– И еще почему ты не даешь мне похоронить его прямо сейчас.

– Хорошо. – Я спустилась и подтолкнула его по направлению к лифту. – Только дома, ладно?

– Угу, – проворчал он, недовольно поджимая упрямые губы, что были точной копией моих собственных.

Я вплела свои пальцы в его и осторожно сжала руку брата, грубую, сухую. Все еще боясь, что он может передумать и рвануть к выходу. Все его чертова вспыльчивость. Именно из-за нее я так и не решилась тогда рассказывать Пашке про себя и Костыля.

2

Нет, ну а как такое рассказывать? Не каждая решится даже сказать лучшей подруге о подобном. И все из-за стыда, от которого не получится отмыться до конца жизни. А тут брат. Мальчишка. Юноша. Теперь уже мужчина. Вспыльчивый, горячий, взрывоопасный.

Пожаловаться ему, чтобы он что? Налетел на Костыля, разбил его чертову тупую башку об асфальт и потом сел на долгие хрен знает сколько лет в тюрьму? Спасибо, у Пашки и так уже был прецедент. Спустил маминого ухажера с лестницы. Бедняга побежал с гематомами и порванным ухом писать заяву, и мама чуть не поседела, переживая всю эту канитель с судом и разбирательствами. Хорошо хоть, разошлись с миром, оплатив пострадавшему ущерб, причиненный здоровью. Замяли.

Не знаю, когда произошел перелом в наших с братом отношениях. Но однажды я вдруг перестала что-либо рассказывать ему про свою жизнь. Он не знал, что я (веселая, заводная, коммуникабельная) почти ни с кем не общаюсь на новом месте учебы. Даже не подозревал об этом. И я никогда не говорила. К чему ему лишние тревоги?

Их с мамой отношения стали натянутыми после того, как она решила проявить к отцу милосердие. Стала ухаживать, прибираться у него дома, помогать деньгами. А Пашка наотрез отказался понимать ее. Не мог простить предательства, простить той боли, которую папа причинил нам всем, когда бросил восемь лет назад.

Брат тогда повзрослел буквально в считанные дни: решил принять на себя ответственность, стать настоящим главой семьи. Поставил цель – не дать матери замкнуться в себе. И шел к ней. А теперь она поступала вот так. Неудивительно, что Суриков взбунтовался. Он не был готов прощать подобное. Даже родному отцу. И Пашка стал раздражительным, вспыльчивым, закипал из-за любой мелочи и делал буквально все ей назло.

Что я могла сказать ему про Костыля? Ничего. Да его даже обвинить было не в чем. Я ведь совершеннолетняя, переспала с ним по собственному желанию. Сопротивления не оказывала, и, вообще, вся эта история сначала больше походила на сказку.

Началось все прошлым летом. Солнце, жара, каникулы. Я только устроилась в кафе и сидела в перерыве, изучая траектории движения солнечных зайчиков на полу и лениво листая ленту в соцсетях в мобильнике. И тут посыпались лайки на мои фотографии, один за другим, взрывая дикими трелями бедный потрепанный смартфон. Чуть бургером не подавилась, когда увидела, от кого они прилетели.

Сам Костыль! Или Игорь, как называли его мамка с папкой. Игорь Рублев. Тот самый, который и здоровался-то со мной не всегда. А в общем-то, зачем ему здороваться? Было бы с кем. Так, головой кивнет, и на том спасибо. У них же своя компания: он, Макс Лысый Данилов, Денис Широких, Танька, Диана – две задаваки и королева всея универа – Вика Старыгина. О том, с каким щенячьим восторгом все парни группы таскались за ней, можно говорить долго, но я не стану. Как-нибудь уж потом.

Лайки, лайки. Десятками. И каково же было мое удивление, когда за ними вдруг пришло сообщение. Да, банальное «привет, как дела?». Но с него началось наше общение. Игорь страдал дома от одиночества. Валялся со сломанной ногой, изредка выбираясь куда-то на костылях, поэтому времени для общения со мной у него было навалом. И мы начали переписываться. Днем и ночью. Круглыми сутками.

Всякий раз, получая на рассвете сообщение с пожеланием доброго утра, чувствовала, как кружится голова от счастья. Замирала с блаженной улыбкой на лице, когда он осыпал меня комплиментами, когда говорил, что соскучился и интересовался моим здоровьем. Удивительно, но он понимал меня во всем.

Совпадали наши взгляды на кино, музыку, наши пристрастия в еде. Гоша всегда находил нужные слова, чтобы поднять мне настроение, терпел капризы и словно по щелчку пальцев мог успокоить, если я нервничала.

В первый раз в жизни я открылась кому-то настолько сильно. Впервые была искренней, рассказывала о себе, о жизни, о проблемах в семье. И ему, правда, было интересно. Так мне казалось. Вскоре мы начали созваниваться. Могли часами висеть на телефоне или болтать в скайпе.

Сначала во время видеозвонков я прятала лицо за распущенными волосами, стеснясь его взгляда, но вскоре доверилась, привыкла и уже принимала как своего. Даже на экране компьютера он казался мне самым красивым, добрым и милым. После каждой такой беседы сердце колотилось как бешеное, отдаваясь в ушах одной лишь мыслью: мое.

Вот это именно тот, кто мне нужен. Тот, от кого перехватывает дух. Тот, кого хочется пустить себе в душу, с кем хочется делить и горе, и радость. Именно он. И я была счастливее всех на свете. Светилась ярче солнца и не могла думать ни о чем другом.

Через месяц активной переписки прибежала к нему домой. А куда еще? Его и ходячим-то с трудом можно было назвать. Мы пили чай, смотрели телевизор, разговаривали, преодолевая просто бешеное смущение, и все время хохотали как ненормальные. На следующий день я пришла снова, чтобы вывести Игоря на прогулку. Потом еще и еще. День за днем. Так наши встречи стали постоянными, а общение перерастало в нечто большее. Касания, поцелуи, признания...

Не могла дожидаться того дня, когда приду в универ. Да, может, мне и хотелось, чтобы меня приняли в их компанию как свою. А может, хотелось, чтобы просто заметили, но романтические отношения с самым популярным мальчиком группы уж точно вызвали бы эффект разорвавшейся бомбы. Наше счастье перестало бы быть тихим, но оставалось бы нашим. Моим и его.

Но реальность оказалась жестче, чем предполагалось.

То, что не было никаких нас, я поняла уже в первый день. Пришла, села, как обычно, на последний ряд и с замиранием сердца ждала. Вот Игорь придет, обнимет, поведет за собой. Но он ворвался в аудиторию с привычным задором, не удостоив меня даже взглядом, и сразу направился к своим. Ни поцелуя, ни приветствия, ни даже кивка головы. Ноль. Ничего.

Целый день они громко обсуждали каникулы. Игорь красовался, размахивая костылями, хвастался тем, что уже может ходить, почти не прихрамывая. Открыто клеился к Старыгиной. И даже не посмотрел в мою сторону. Ни разу.

Помню, как бежала, глотая слезы, к его дому. Как долго ждала возле подъезда под дождем, чтобы объяснить. Как он удивился и нахмурился, увидев меня, и как спрятал глаза.

– Да ничего ведь не случилось, – шептал он, открывая ключом дверь и толкая меня внутрь, – идем.

И я вошла. Костыль притянул меня к себе, дыша неровно, прерывисто. Гладил сильными руками. Торопливо, настойчиво. И меня била дрожь, лишая дыхания и рассудка, наваливаясь всей тяжестью мира на хрупкие плечи.

– Эй, все нормально, – сказал он, скользя руками по моей спине.

И я знала, что нормально уже не будет, но не могла пошевелиться. Словно проваливаясь в бездну, глядела куда-то мимо него сквозь пелену из слез, застилавших глаза, и молчала. Снова и снова глотая слова, которые тугим комком застревали в горле. Слова, которые я собиралась сказать, но так и не сказала. По крайней мере, вслух.

– Маша, Маша, – повторял он, будто заезженная пластинка.

А его руки в это время метались по моему телу, как в бреду. Меня тошнило от запаха мятной жвачки, от мокрого языка, по-хозяйски орудовавшего у меня во рту, от его губ, солоноватых на привкус. Но я не сопротивлялась. Послушно легла, позволяя первому в моей жизни мужчине снять с меня свитер и приспустить лямки бюстгалтера. Позволяя ему любоваться увиденным глазами, почти темными от вожделения. Трогать потными ладонями, мять пальцами и целовать.

Чувствовала его дыхание на своей коже, но не могла даже двинуться. Потом он опустил ниже, одним движением сдирая с меня белье, и быстро навалился сверху. Впивая губы в мой рот, оставляя свою слюну на горящих щеках и шее. И разрывая меня изнутри тягучим горячим пламенем.

Ничего не случилось. Ничего не случилось.

«Нормально. Нормально», – все повторяла я себе, пока он вдавливал меня в матрас. Забывая, как дышать, как видеть, как жить. Глядя в потолок и просто принимая происходящее. Я могла отказаться, могла оттолкнуть, но не сделала этого. А потом все закончилось. Все.

Он откатился и плюхнулся на подушку мокрым от пота затылком.

– Хорош! Вот это да! – похвалил сам себя.

Я встала, не глядя в его сторону, натянула дрожащими руками одежду и ушла.

Вероятно, он что-то говорил мне. Не помню. Не слышала. Плелась домой в каком-то тумане. В полной тишине. В мире, в котором была отныне только я.

В день, когда я почти умерла.

Больше не было никаких звонков, сообщений, встреч и даже взглядов. Ничего. Только перешептывания и тихое хихиканье каждый раз, когда я входила в аудиторию. Но и они быстро сошли на нет.

Все забывается. Почти все.

До сих пор не могу объяснить даже самой себе, почему так случилось. Шок? Растерянность? Неверие в то, что моя сказка могла так глупо оборваться на самом интересном месте и превратиться вдруг в дым? Не знаю.

Сначала все ждала, когда же Игорь, наконец, скажет, что был не прав. Что запутался. Ждала даже, когда уже понимала, что все зашло слишком далеко и это не то, чего я хотела и как себе представляла. Верила и надеялась, даже теряя почву под ногами. Готова была цепляться за эту последнюю ниточку до последнего. И только встав с его кровати, поняла, что это все. Конец.

Ничего ведь и не было. Я все придумала себе сама. Так хотела верить в любовь, что увидела ее там, где на нее не было даже намека. Интерес, похоть, игра – все что угодно, только не настоящие чувства. Глупая маленькая Маша...

Какой же жалкой я себя чувствовала, сидя под душем и пытаюсь оттереть с кожи следы его прикосновений. Терла, терла мочалкой чуть не до мяса и все говорила про себя: тупая доступная шлюха, вот ты кто. Тупая и доступная. Тогда мне казалось, что если повторить это раз двести, то станет легче. Но легче, конечно, не становилось. Только росла ненависть к себе, множился стыд и желание закрыться ото всех.

Открыто меня не задирали, но вдруг появившиеся загадочные улыбки на лицах парней я заметила, конечно, сразу. Такое трудно игнорировать. Никто не тыкал пальцем, даже не называли больше Сурикатом какое-то время, а через пару месяцев и вовсе забыли. А я...

Я делала лицо кирпичом. И жила. Стараясь отвлекаться, чтобы не утонуть в депрессии. Но пускать кого-то в свой мир точно больше не собиралась. Даже брата. Вряд ли бы ему понравилась новость, что его сестрой воспользовались как дешевой потаскушкой, а потом просто вышвырнули вон. Он был бы взбешен. И разочаровался бы во мне.

Наверное. Вероятнее всего.

Нам всегда говорили, что мы похожи. Иначе и быть не могло. Но я не соглашалась. У меня светло-коричневые глаза, у него – серые. Я – щуплая, он – поджарый и сильный. Я мягче, бледнее, обычнее, проще. Пашка – всегда впереди и всегда уверен в себе.

Все, что у нас общего – копна мягких каштановых волос и прямой длинный нос. Папин.

Я не пою в душе, не бренчу на гитаре до утра, не лезу на сноуборд и не собираюсь к тридцати годам покорить Эверест. Я, вообще, всегда избегаю конфликтов, если их можно избежать. И всего нового. А Пашке хочется попробовать весь мир на вкус. Противопоставить себя ему, бросить вызов. И иногда мне кажется, что я – единственное, что его держит на месте. Если бы он мог сбросить этот балласт или передать кому-то другому, то давно бы сделал.

А пока мне нравилось жить в его тени. Тепло и уютно. Его друзья, его компания, его интересы. И я – маленький багаж Сурикова-старшего. Чемоданчик, который при желании можно взять с собой, ведь у него не имелось других хозяев.

Хорошо, что у меня была отдушина – кафе. Его не коснулось проклятие универа: сошлась со всеми на удивление быстро, общалась, смеялась каждую смену и получила репутацию человека душевного. Иначе бы точно пропала.

– Какого черта ты не на зачете? – Пашка сбросил тапки и направился к окну. – И почему за тобой таскается какой-то упырь, покрытый кучерявыми глистами с ног до головы?

– Паш, – шаркающей походкой, делая вид, что мне совсем не интересно, подошла ближе, – ты так говоришь, будто у тебя самого татуировок нет.

Посмотрела вниз. Незнакомца уже и след простыл.

– Одно дело надписюшка какая-нибудь, – Суриков почесал себе грудь, – или череп крутой, – указал на предплечье. – А тут... хрен знает, мне показалось, что он вообще весь сине-зеленый.

– Показалось – крестись! – Я направилась на кухню. – Или найди свои очки.

– Они стремные, – все еще рассматривая двор из-за шторы, буркнул братец.

– Тогда купи не стремные, достал! Меньше надо было в компьютерные игры лупить, не испортил бы зрение.

– Ты тему-то не переводи. – Он появился на кухне тихо, будто шел за мной на цыпочках. – Что за ходячая нательная живопись с тобой была?

– Суриков, вот только не надо учить меня жить, ладно?! – Вымыла руки, поставила чайник на огонь и достала колбасу из холодильника.

– Марья, ты что, последние мозги растеряла?

– Нет.

– Тогда не думай, что я буду спокойно смотреть, как ты шатаешься по улице непонятно с кем. – Пашка достал хлеб, положил на стол, сел и уставился на меня. – Кто он?

Устало выдохнула, чувствуя, что эмоции, испытанные несколько минут назад, и не думают отпускать меня.

– Разве это важно?

– Для меня – очень. – Суриков упрямо продолжал скользить взглядом по моим пылающим щекам и губам, сохранившим вкус поцелуя незнакомца.

– Не скажу. – Взяла нож, начала нарезать колбасу.

– Тогда, пожалуй, мне самому придется в следующий раз пойти и спросить у него.

Я прекратила свое занятие и отложила разделочную доску в сторону.

– Паш, да не веда ты себя так. Мне что, ни с кем уже и по улице нельзя пройти?

– Просто пройти можно. – Брат выгнул брови в точности, как я. – Я, может, и подслеповат, но видел, как он тянул к тебе свои щупальца.

– Ничего и не тянул.

– Тянул.

– Не было ничего такого. И вообще, ты его не знаешь.

– А ты знаешь?

– Хм. – Чтобы спрятать глаза, мне пришлось вернуться к нарезанию бутербродов. – Павлик, тебе нужно быть спокойнее. Никто не собирался причинить мне вреда. И вообще, ты мне не отец.

– Согласен, – усмехнулся брат. – А где твой отец?

Я закусила губу. Подлый Крысь, мурча самым наглým образом, терся о мои ноги. Отрезала ему самый краешек колбаски и скинула со стола.

– Чай будешь? – обратилась к брату.

– Конечно, – смягчился Пашка. – Я же только что продрал глаза. Жрать хочу жутко.

Молча сделала бутерброды. Брату, как обычно, с колбасой толщиной с мой кулак. Разлила чай по чашкам, кинула в них кусочки лимона. Прежде чем сесть, запустила руку в карман джинсов и выудила оттуда... Чтобы вы думали? Чертов пропуск! Тысячу татуированных чертей!

Надо же было так опростоволоситься. В голове вихрем пронеслись мысли о череде случайностей. Будильник, автобус, пропуск, скамейка. Многих звеньев этой цепи, в частности нескольких знаменательных событий, я тронула свои губы, могло и не произойти сегодня. Может, так и было задумано?

– Что ты лыбишься?

Я так погрузилась в свои мысли, что голос Пашки заставил меня подскочить на стуле.

– Так. Ничего.

– Говори уже.

– Да не попала сегодня на зачет из-за пропуска. Не могла найти. А он все это время лежал в кармане джинсов.

– Не нравится мне, – заметил он, глядя, как я на глазах превращаюсь в помидор.

– Что?

– То, какой счастливой ты выглядишь.

– Разве? – Не получалось даже контролировать свое дыхание.

– Ага. Давно тебя такой не видел. – Суриков шумно отхлебнул из своей чашки.

– Тебе показалось.

– Что, даже не расскажешь мне, кто твой провожатый? – Посмотрел в глаза и улыбнулся. Первый раз за день. И как-то по-доброму. – Раз уж ты даже не бешишься, что тебе придется пересдавать зачет.

– Нет. Не расскажу.

– Как его зовут? – Голос брата стал таким нежным, таким задушевым.

– Не знаю, – ответила я, не подумав, и тут же заметила, как гигантский астероид рождается в глазах Сурикова, чтобы прорваться через атмосферу и обрушиться на мою голову. Даже жевать бутерброд перестала.

Пашка молчал. Долго сверлил меня взглядом, сжимая и разжимая кулаки, наконец выдохнул и сказал:

– Хорошо, не говори. Не маленькая девочка.

– Спасибо, – чувствуя облегчение, прошептала я.

– Но если он посмеет тебя обидеть...

– Знаю-знаю! – Отмахнулась, как от назойливой мухи.

– Вот так-то лучше, – не сводя с меня испытующего взгляда, кивнул брат и вцепился зубами в бутерброд.

Черт с ним, с пальто. Мысли метались между преподавателем, встреча с которым так и не состоялась, и странным парнем, который так подло подшутил надо мной. Суждено ли с ним еще увидеться? И хочу ли я этого?

Кто он, вообще, такой? Откуда взялся?

– Ты точно витаешь в облаках, – заметил Пашка, кидая очередной кусок колбасы коту.

– Вот и нет, – ответила я, все еще ощущая гнев, перемешавшийся с интересом и удивлением от недавно произошедшего.

Долгое молчание, прерываемое лишь редким чавканьем брата-поросенка.

– Точно тебе говорю. – Он начал трясти головой, как ненормальный.

– Отвали уже. – Встала, забрала чашки обоих и принялась мыть.

Пашка встал, не удосужившись даже убрать за собой крошки со стола, и вышел. Из его комнаты тут же слышались звуки гитарного перебора.

– Заходил вчера к вам в кафе, – окликнул он меня, когда я проходила мимо его комнаты.

– И? – Вошла и устало плюхнулась на его кровать. Прямо в одежде. – Опять хотел на Солнцеву посмотреть?

– Ага!

– И как?

Пашка мечтательно закатил глаза.

– Нормально так...

– Ох, Суриков, она тебе не по зубам. Это я тебе точно говорю.

– Чего это?

– Ну, ей мужчины нравятся, понимаешь? Такие чтоб мужчины-мужчины! – Я напрягла бицепсы, изображая кого-то вроде Халка или Шварца. – Чтоб сила, борода православная и чесночный дух на полкилометра!

– Пф! – Не злите Павлика. Брат весь надулся, вскидывая брови вверх. – Да я ее заполучу на раз-два. Спорим?

– Ой, нет. Хватит мне споров на сегодня! – Я заложила руки за голову. – Солнцевой я сказала то же самое. Что без таких ухажеров, как мой брат, она точно обойдется.

– Почему это? – Он казался оскорбленным. – Ты сейчас разбила чужое счастье, детка.

– Да на хрена ей такой лоботряс, как ты?

– Ладно-ладно, Марья, – прищурился брательник, – Земля – круглая!

– Тебе не светит. У Солнцевой все равно со вчерашнего дня обет безбрачия действует.

– Чего? – Скорчил удивленную гримасу.

– Да. Сказала, что садится на кефирно-огурцовую диету и отказывается от мужчин.

– Почему?

– Потому что у нее жопа целлюлитными слезами плачет. Вот почему!

– Ох, женщины... – продолжая перебирать струны, закатил глаза Пашка. – Нормальная у нее задница. А мужчинам-то за что бойкот?

– Несчастливая любовь.

– Скажешь по секрету?

– Не-а. – Я встала, схватила со стола конфету и отправила в рот. Направилась к двери, напевая: – «Мои стихи, твоя гитара. Мы отличная па-ра...»

– Э-э-э! – Суриков скривил лицо. – Не надо при мне такую попсытину гнать.

– Лучше твое старье, да ведь? Джордж Бенсон, Уисперс, Орландо Джонсон, ага? Или еще что-нибудь доисторическое?

– Есть кое-что из новенького. – Брат нажал на кнопку стереосистемы, и в комнату тут же ворвались первые звуки Bruno Mars – 24k magic.

Я не удержалась и пустилась в пляс рядом с хохочущим Пашкой. Он чертил носом вертикаль и отбивал ритм. Нам с детства нравилось так дуреть вместе. Единственное, что изменилось, – мы теперь не скакали на кровати на пару, доводя маму до бешенства.

– Пришел вчера с занятий... – начал он, когда песня закончилась.

– Оу, ты опять ходишь на занятия! – рассмеялась я, поправляя прическу. – Молодец, хвалю!

– Представь себе, да. – Суриков выключил музыку и принялся заправлять постель. Ну, как заправлять. Просто расстелил поверх скомканного одеяла покрывало из гобелена и сел. – Захожу домой, а на кухне мама со Стасиком мило воркуют, чай пьют. Видимо, он пришел пораньше, а тебя еще не было дома.

– Вот как... – Теперь мне захотелось остаться и узнать подробнее. В груди неприятно заскребло.

– Я сначала напрягся, приревновал вроде как, а потом пораскинул мозгами и даже порадовался. Хороший он мужик, серьезный, этот Станислав Как-его-там-по-батьке. Сошлись бы они с ней, так маман перестала бы таскаться к этому алкоголику, подачки носить и благотворительностью заниматься. Так ведь?

– Э...

Неловкая пауза.

Я даже забыла, как ворочать языком, чтобы получалось хотя бы что-нибудь членораздельное. В таком контексте я о своем Стасике даже и не думала. До сих пор. И эта мысль, озвученная вдруг братом, и эти сведения о милых чайных посиделках с мамой не вызывали во мне почему-то ничего, кроме резкого неприятия. Надеюсь, ему всего лишь показалось. А если нет?

Закрыв рот, я уставилась себе под ноги. Странное чувство. Будто тебя обманули, но ты не имеешь даже права так думать, кого-то обвинять и предъявлять претензии. Потому что ты, в общем-то, и никто. Просто девчонка, которая опять заигралась со своими мечтами.

– Ты чего? – Брательник толкнул меня в плечо.

– Ничего, – словно во сне, отозвалась я.

* * *

Нарисовала птицу. Огромную такую, на целый лист с обратной стороны тетрадки. Почему-то захотелось раскрасить каждое перышко цветными чернилами. Чтобы она вдруг ожила, взмахнув крыльями, и освободилась от

бумажных оков.

Улыбнулась сама себе, доставая набор ручек. Затемнила каждое перышко на конце, выделила мощные когти глянцевым черным с помощью гелиевых чернил и принялась старательно заштриховывать клюв.

Аудитория постепенно просыпалась. Тут и там пробежали взволнованные шепотки тех, кто уже закончил работу над переводом. Я справилась еще минут двадцать назад, поэтому спокойно могла развлекаться рисованием, ожидая окончания отведенного на самостоятельную работу времени.

– Маш, – обернулась ко мне Галя.

Я подняла глаза на преподавателя. Серафима Андреевна изучала что-то особенно интересное в своем смартфоне, не забывая при этом широко улыбаться экрану. До нас ей не было совершенно никакого дела.

– А? – ответила я шепотом, переводя взгляд на одноклассницу.

Галя не была ботаником в привычном понимании этого слова. Из обязательного набора только очки с толстыми стеклами, толстая коса и некоторое стремление к знаниям. В остальном, думаю, дай ей волю, она бы плюнула на учебу и хорошенько зажгла. Только не с кем было. Единственной ее подружкой была Наташа – зубрила от бога.

Та и косой была богаче, и гранит науки грызла особенно старательно. И не было Наташе дела ни до мальчиков, ни до развлечений. Она упорно шла к своей цели – не разочаровать родителей. Ни в коем случае. Никогда. И увидев однажды ее матушку, которая являлась полной копией дочери, только постаревшей и смотавшей длинную косу в плотный тугий калачик на затылке, я могла с уверенностью сказать: да, я бы тоже не осмелилась перечить такой родительнице. Ни за что.

Так вот, Наташа почти никогда не разговаривала ни о чем, кроме учебы. И Галя не смела даже пытаться завести разговор с подружкой о посторонних вещах, чтобы не схлопотать ненароком осуждающей отповеди. Ведь она прилипла к ней, как гриб-паразит. Гриб, который, сам того не подозревая, должен был дотянуть на своих плечах Галину до самого выпуска. Такое взаимовыгодное

сотрудничество. Слегка похожее на дружбу.

Со мной же Галя поддерживала некое подобие приятельства, изредка перекидываясь парой фраз. Потому что Наташа имела свойство иногда прихворнуть, как любой человек. А сверяться ответами на тесты и решенными домашними заданиями с кем-то было нужно. В этом смысле я вполне годилась на Наташезаменитель.

– Сделала, что ли, уже? – спросила Галочка, выглядывая из-за толстых линз.

Она имела в виду мою работу, конечно же. На птицу с яркими перьями она даже не смотрела.

– Да, – просто ответила я, указывая взглядом на листок с подписанной в углу фамилией.

– Вот там, в конце... – замялась Галя, поправляя воротничок вязаной кофты.

– Посмотри. – Убедившись, что Серафима по-прежнему занята, я подвинула к ней лист.

А что? Жалко, что ли? Слово в слово все равно не сдерет. Что-то у Наташки возьмет, что-то у меня. Рерайтинг такой рерайтинг. Зато набьет руку и сможет потом работать в этой области.

Галка отвернулась, с жадностью хищника впиваясь в текст моей работы.

– Новенький, ага, – раздался вдруг шепот с правого края.

Это была Диана. Мне пришлось оторваться от рисования, чтобы посмотреть на девушку. Розовые ногти, розовые пряди в волосах, малиновая кофточка под пиджаком. Она делилась чем-то с подружками, размахивая руками. Настолько потерять страх, чтобы что-то обсуждать вполголоса при учителе, заставить ее могло только событие чрезвычайно интересное и важное. Очевидно, новая сплетня.

Она перегнулась назад через парту, передавая мобильник девчонкам.

Волна шепота тут же разнеслась от них по всему кабинету. Что-то вызывало у них оживление и почти дикий восторг. Вероятно фото. Даже со всего места я могла видеть яркое пятно на экране смартфона. Обычно заставить их так радоваться, почти дрожа в исступлении, могла очередная гаденькая новость про кого-то из наших.

– Смотри, – Танька тронула Вику за плечо и сунула под нос мобильник.

Королева красоты все-таки снизошла до того, чтобы взглянуть мельком на изображение. Ни одна черточка не дрогнула на ее лице, словно бы там был черный квадрат Малевича, а не то, что заставляло всех остальных девочек ерзать на стульях от восторга.

– Ну... – пробормотала она, пожав плечами, – ничего особенного.

Ш-ш-ш. Улей словно вскипел.

– Как?! – со всех сторон.

– С ума сошла? – вытаращила глаза Диана, подсакивая на стуле, будто ей мешало спокойно сидеть здоровенное шило.

– Красавчик! – роняя слюни на экран, подхватила Танька.

Она уже, наверное, триста раз успела глянуть на экран и даже зажевала клочок рыжих волос, чтоб не стонать от восторга.

– Что там? – оторвался от работы Денис.

Устало оглядел компанию стрекочущих в припадке восхищения чем-то необычным девчонок.

– Новенький. Новенький! – дружно зажужжали те.

– Дай. – Протянул руку, взглянул на фото, громко хмыкнул.

Девушки оживленно закивали. Да-да, этим они еще раз подтверждали важность того, что было на экране.

Денис бросил короткий взгляд на преподавателя и затем наклонился к ним. Шепнул что-то, заставившее подруг по очереди подпрыгнуть, создавая волну, как на футбольном стадионе. Вся аудитория оживилась. Те, кто доделал работу, кто еще не закончил – отвлеклись все. Звездам опять удалось захватить всеобщее внимание.

– Вот сами спросите, – добавил Денис.

– Игорь! Игорь! – Девушки принялись по очереди звать Костыля.

Они с Максом сидели возле окна, увлеченные какой-то новой игрой в мобильнике.

– А? – наконец обернулся он.

– Ш-ш-ш-ш, – зашумел бабский муравейник.

Костыль дернул головой, ясно давая понять, что ничего не услышал.

– Шшшш, – раздалось в ответ.

Террариум, блин. Я опустила глаза в тетрадку. Не хватало еще встретиться взглядами с этим придурком.

– Да? Да? Да? Да? – десяток пар глаз уставился на Костыля.

– Да-а, – усмехнувшись, произнес он и наклонился на спинку стула.

– Вот это да! – воскликнула Танька, тут же прикрыв рот рукой.

Вике словно бы и не было дела до всего этого обсуждения. Она спокойно дописывала свою работу. Не отвлекаясь, не прыгая на стуле, как остальные девочки, и даже ни разу не взглянув в сторону Игоря. Ей вообще было

свойственно такое поведение. Будто ничто в этом мире не достойно ее внимания. Есть она, ее свита, а все остальные лишь презренные существа.

– И вы прям рядом живете, да?

– Угу, – кидая в рот мятную пластинку, ответил Игорь.

– Соседи-соседи? – снова вклинилась Диана.

Ты что, тупая? Мне хотелось спросить ее об этом каждый раз, когда она начинала кого-то переспрашивать о чем-то.

– Да.

– Правда-правда?

– Да-а, – буркнул он, отворачиваясь.

Ну, надо же. Кажется, зацепило и Костыля. Ему всегда нравилось внимание только к собственной персоне. А тут девочки явно были заинтересованы кем-то другим. Непорядок.

– Спасибо, – возвращая мне листок, шепнула Галя. Отвернувшись и тут же повернувшись обратно. – Маш?

– А?

– Ты его уже видела?

– Кого?

– Новенького.

– Нет. – Пожала плечами, возвращаясь к рисунку. – А у нас будет новенький?

– Я его видела сейчас у деканата. – В глазах Галочки зажглись безумные огоньки.

Ого, похоже, всеобщая лихорадка передается воздушно-капельным путем. Надо течь.

– И? – спокойно поинтересовалась я, поднимая глаза.

– Это. Просто. Улет. – Теперь она выглядела необычайно взволнованной. – Ты такого чуда еще никогда не видела. Это я тебе точно говорю.

– Не может быть, – ответила я. Безразлично и ровно.

– Диана даже щелкнула его на свой телефон, не постеснялась.

– Ясно.

Кивнула головой и полезла в сумку за карандашом. Какой мне толк с этого новенького? Ну, больше на одного человека в аудитории. И что? Ни холодно, ни жарко. Все равно я здесь одна, на последнем ряду, на своем наблюдательном посту недалеко от двери, в которую можно незаметно зайти перед самым началом занятий и так же выйти, и никто не обратит внимания.

Галочка разочарованно вздохнула и, поправив очки, отвернулась. Разумеется, ее печалило мое равнодушие. Даже ей с кем-то хоть иногда хотелось обсудить мальчишек и прочее. А Наташа... Галя зыркнула на соседку, которая ссутулилась над листком бумаги, доводя работу до совершенства. Наташа не подходила на эту роль никак. Инопланетянка, будь она неладна. Ботаноид с планеты Очкариус. Хорошо, хоть списывать можно. Главное, не окосеть к выпускному.

Мои мысли прервал громкий стук откуда-то справа. В дверном проеме показалась завкафедры Инна Владимировна. Грузная женщина лет пятидесяти с пышной химией на голове. Ее появление быстро привело в чувство всех студентов, а в особенности Серафиму, которая, оторвавшись, наконец, от телефона, подскочила со стула и натянула на лицо приветливую улыбку.

– Доброго дня! Я буквально на секунду, – зычным басом прогрохотала Инна Владимировна.

– Доброго! – подхватила Серафима и сложила руки на груди.

– Не буду вас отвлекать. Просто представлю нового студента вашей группы. – Она сделала шаг назад, освобождая проход. – Дима, проходи! Прошу любить и жаловать. Прходи. Ну, а я пойду, мне пора.

– Спасибо, – кивнула Серафима. – Проходите, занимайте любое место. – И обратилась к нам: – Ребята, сдаем свои работы. Передавайте по рядам.

Никто не обратил на нее никакого внимания. Все ждали. Ждали его появления, словно второго пришествия. Могу ошибаться, но, кажется, никто даже не дышал. По крайней мере, звук пролетевшей мухи показался мне ревом истребителя. Оглушающим и резким. А потом раздались шаги.

Шаг. Еще шаг.

Первыми из-за угла появились ботинки новенького. Угольно-черные кеды на низкой подошве. Затем джинсы. Темно-синие? Нет, почти черные, потертые, узкие. Свитер. Он ярким светлым пятном сразу захватил все мое внимание. Молочного цвета, вязаный, мягкий. К такому обычно хочется прижаться щекой. Из-под свитера торчала рубашка, темно-красная в мелкую клеточку.

Прикид со вкусом и явно дорогой.

Подняла глаза выше и почувствовала, как дыхание забилося в горле испуганным зверьком. Уже знакомые всклокоченные волосы, хмурый, будто невыспавшийся, взгляд сине-зеленых глаз. И яркие переливы рисунков по всей шее и на кисти левой руки, держащейся за карман джинсов.

Он поднял подбородок, лениво окинув притихшую аудиторию взглядом. Слева направо. Медленно. Кивнул в знак приветствия кому-то невидимому, а может, всем нам сразу. Поправил сумку на плече и сделал неуверенный шаг в кабинет. Дверь за ним захлопнулась.

– Продолжим занятие, – как-то неуверенно объявила Серафима.

Но никто и не думал оборачиваться к ней. Все застыли, беззастенчиво разглядывая вошедшего. Вот кто-то поднял руку. Краем глаза заметила, что это был Костыль. Махнул приветственно, подзывая новенького сесть к нему. Тот в ответ прищурился, видимо, прикидывая, как лучше было бы добраться туда, к окну, кивнул. И вдруг обернулся на звук.

Мне показалось, я сейчас умру. На месте. Он стоял, глядя прямо мне в глаза. Он! Псих, хам и преследователь! Чертов татуированный под хохлому подлец!

И все из-за предательски выпавшего из моих рук карандаша, с глухим звоном обрушившегося на стол. Плечи новенького распрямились, на лице засияла довольная улыбка.

Нет! Нет! Нет!

Секунда, и он уже двигался в мою сторону.

Бежать было некуда, в полной тишине под пристальным вниманием нескольких десятков пар глаз я наблюдала, как сокращается расстояние между нами. И слушала, как оглушительно бьется мое сердце. Бах-бах-бах!

Вдруг новенький остановился, бросил сумку на стул и сел вплотную ко мне. Отчаянно близко. Так близко, что я даже закусил губу.

Интересно, кто-нибудь видит нас?

Оторвала взгляд от его татуировок и повернулась. Все! Таращились все без исключения! И в тот момент, когда мое лицо залило красным, он наклонился к самому моему уху, погружая в терпкий запах своего парфюма. И улыбаясь, у всех на глазах медленно и четко произнес с такой характерной ему хрипотцой в голосе:

– Ну, вот. А ты переживала, что мы больше не увидимся.

Я повернулась к нему и уставилась взглядом, полным возмущения. Какого хрена он привлекает ко мне столько ненужного внимания?! Врывается в мое личное пространство. Дышит. Мне прямо в лицо. С шумом выталкивая воздух из ноздрей.

– Эй, ты что дышишь, как загнанный конь? – сказала ему одним взглядом. – Только что с «Гонки героев» вернулся, что ли?

Мои губы остались сомкнуты, но до него дошло. Поняла это по его улыбке. Рассмеялся. Беззвучно. Забалдел и, похоже, действительно был рад меня видеть. А еще ему нравилось меня раздражать. Это тоже было написано на его лице.

Все продолжали смотреть на нас. Мы смотрели друг на друга.

Сколько там сантиметров до его губ? Наверное, не больше десяти. Ладонь едва пролезла бы между нашими лицами. Он смеялся глазами, я метала молнии. Он улыбался, я злилась. Наверное, это длилось несколько секунд, но ощущалось вечностью.

Очередной спор? Игра в гляделки. Тогда поглядим, кто кого. Вздохнула. Секунда, еще одна. Эх...

Когда я уже была готова сдаться, он вдруг повернулся к остальным. У Галочки от неожиданности даже очки чуть не слетели с переносицы. Но запотели уж точно. От испуганного «ой», произнесенного одними ее губами. Отвернулась и склонилась над тетрадью.

Других тоже не пришлось уговаривать. Ребята, смущенные его строгим и серьезным взглядом, возвращались к своим делам. Наташа фыркнула что-то нечленораздельное. Я, уже привыкшая к ее языку жестов и звуков, расшифровала это как осуждение внешнего вида новенького. И правильно, лучше бы науку грыз, чем татухами кожу портить.

– Передаем свои работы, – напомнила Серафима, – и будем возвращаться к теме лекции.

Все закопошились, зашелестели листочками. Танька получила по плечу от Дианы за то, что никак не могла оторваться от созерцания такого странного союза, как обсуждаемый всеми новенький и местная девочка-невидимка. Когда она все-таки развернулась, среди ее подружек побежал благоговейный шепоток:

– К ней... к ней сел...

Ох, да, похоже, нужно было признать – разукрашка в живую понравился всем еще больше. Вот гад. И то, что я внезапно испытала, осознав это, беспокоило меня не меньше, чем факт того, что этот тип уже сидел, прижавшись ко мне плечом.

– Хватит меня трогать, – прошипела я, отодвигаясь.

– Да, кладите листочки на мой стол. Итак... – Все. Серафима опять понеслась по волнам знаний.

Мои пальцы сами обхватили ручку, готовые конспектировать. Не стану обращать никакого внимания на его присутствие. Нет. Не-е-ет.

– Скучала, значит, – сказал тихим шепотом, заставив дернуться от щекотки.

Ужасно захотелось вмазать ему. Прямо сейчас. Прямо при всех. Аж зубы свело.

– Что? – Отодвинулась еще немного.

Его рука скользнула к моей тетради. Отодвинув гелиевые ручки, он указал прямо на клюв большой птицы, расправившей крылья. Постучал по ней и улыбнулся. Затем задрал подбородок повыше, указывая на рисунок на своей шее, и подмигнул мне.

Вот блин! Надо же было так опростоволоситься! Кто ж знал, что он придет и увидит. Я вырвала свою тетрадь из его рук и резко захлопнула. Будто таким способом можно было заставить забыть о том, что он только что видел.

– Вот видишь, – наваливаясь спиной на спинку стула, прошептал он, – скучала. И еще как!

– Вот еще. – Отвернулась, делая вид, что слушаю преподавателя. На самом деле просто вспоминала, как нужно дышать. Вдох – выдох. Вдох – выдох. Только бы не лопнули мозги от усердия.

– Скуча-алаа, – напевая шепотом себе под нос, продолжил новенький-татуировенький.

Достал какой-то огрызок, когда-то бывший карандашом, тонкую ручку в металлическом корпусе и новенькую тетрадку. Нарядную, едва ли не в золотой обложке. Наверняка стащил у папашки-олигарха. Очередной мажорище на мою голову!

– Ты что заладил? Так и будешь, как попугай, мне это весь день повторять? – прорычала я сквозь зубы, даже не глядя в его сторону.

– Мне нравится, как ты бесишься, – делая вид, что внимательно слушает Серафиму, усмехнулся он. – Это я еще в автобусе заметил. Твои глаза. Безумные огоньки в них, которые появляются, когда ты на меня смотришь...

– Слушай, – обернулась я, – а у тебя щека не болит?

– Нет. – Он растерянно пожал плечами. – А должна?

– Будешь много говорить, – прошептала, отворачиваясь, – получишь еще одну затрещину.

– Ааа. – Потер скулу с левой стороны. – Вот ты о чем...

– Именно.

– Ну, – парень мечтательно задумался, – мне понравилось, какой ты можешь быть... резкой и грубой. Столько экспрессии в такой маленькой девчужке.

– Сам ты маленький.

– Я большой. – Немного подумал и добавил: – Везде вообще-то.

– Прекрати. – Давно мне не было так неловко. Хоть бы форточку кто открыл. Духота же невыносимая. – Давай без подробностей, хорошо? Они мне не интересны. А еще лучше иди и вымой рот с мылом. И не пори всякую чушь!

– Кнопка мелкая, а бурчишь, как чайник с кипятком.

– Иди ты к черту, д...

– Сурикова, вы хотите высказаться?! – недовольным тоном спросила Серафима.

И черт меня подери на этом самом месте, если десятки пар любопытных глаз вновь не уставились на нас.

У меня что, рога растут? Чего вылупились? Отвернулись бы. Я воинственно нахмурила брови.

– Н-нет, – закрутила головой и покосилась на расписного. Он сидел как ни в чем не бывало с невероятно умным лицом. Лицом человека, которого ничто не было способно отвлечь от важной лекции по практике перевода. Смотрел преподавателю прямо в глаза, закусив карандаш. Внимал, так сказать.

Вот так, значит, да? Мне даже показалось, что кожа пошла пятнами от такого пристального внимания.

– Может, вам есть что сказать о проблемах стилистики перевода?

– Я... я...

– Рот закрой, а то муха залетит, – усмехнулся новенький, прикрыв рот кулаком так, чтобы его губ не видела Серафима.

Выписала глазами круги на парте, подбирая слова. Вот подстава!

– Дима, – вдруг сказала, ощущая, как жар приливает к голове. Даже язык зажгло от его имени. Сосед обернулся ко мне, не веря своим ушам. – Дима-а... – повторила я, царапая ногтями собственные ладони. – Дима... хочет высказаться по данной теме.

– Вот как? – заинтересованно протянула Серафима, оглядывая чудо в перьях, с недоумением впивающееся в меня глазами.

О-о-о, в этом взгляде было все. Замешательство, оторопь, растерянность. Я даже позволила себе на секунду окунуться в эти глаза, рассказывающие целые истории яркими всплесками своих сине-зеленых радужек.

Признаться, на мгновение стало даже страшно, как он отреагирует на подобную подлость. Прищурился, будто принимая вызов, и одними губами произнес: «все, ты попала». Похоже, мне действительно несдобровать... Я даже спрятала желавшую расплыться на губах улыбку. Села.

Не, ну а как он хотел? Зуб за зуб, глаз за глаз. Это всего лишь маленькая месть за испорченное пальто... и поцелуй, который он взял тогда силой. Хотя напрягая память... Силой ли? Не я ли вцепилась тогда в его губы, как дикая кошка, а потом с силой лупанула по щеке, злясь на одну только себя.

– Да, с удовольствием, – кивая преподавательнице, встал новенький.

Теперь он возвышался надо мной на все свои... сколько там? Метр девяносто? Два? Вряд ли два метра. Но с моего места он казался бесконечно длинным. В своем мягком стильном свитере и симпатичной рубашке, воротничком прикрывающей половину рисунков на шее.

«Рельса» – вывела я карандашом на полях. А что? Всего лишь в отместку за его прошлую реплику про кнопку. И тут же получила легкий тычок коленом по ноге.

– Дмитрий. Мы только что обсуждали различие степени экспрессии в двух языках – русском и английском. На примере произведения «Великий Гэтсби» Фицджеральда. Ты слышал, о чем я говорила?

– Да, – ответил уверенно и громко. Врет как дышит, вот ведь сволочь.

– Тогда я повторяюсь с твоего позволения... – Она взяла учебник и отвела от себя на расстояние вытянутой руки, всматриваясь в строчки.

– Конечно.

– But his eyes, dimmed a little by many paintless days under sun and rain, brood on over the solemn dumping ground. Мы уже обсудили и пришли к выводу, что если передать значение, как «краска давно не подновлялась», то потеряем эпитет paintless. Какой перевод, на твой взгляд, здесь будет для него более удачным?

Он просиял. Нет, реально. Просиял. Ему что, конфетку кинули? Или кто-то врубил софиты над головой? С чего бы такой кайф ловить?

– Думаю, что... «краска немного полиняла от дождя и солнца... и давно уже не подновлялась» будет самое то, – спокойно сообщил он.

Я оценила. Хитрец. Он отлично вышел из положения. Еле удержала руки от восторженных аплодисментов. Этот самодовольный хмырь не только переводил на ходу, но умудрялся еще и быстро подбирать соответствующие эпитеты на русском. Окей, засчитано.

– Спасибо, садись, – удовлетворенно кивнула Серафима. – А теперь идем дальше. В любом языке есть отдельные элементы, не поддающиеся передаче средствами другого языка, поэтому становится очевидной необходимость компенсировать эти потери при переводе.

«Пупсик», – выхватив у меня из-под носа одну из гелиевых ручек, нацарапал он прямо в моем конспекте. Я с шумом выдохнула. Жаль, что я не огнедышащий дракон. Спалила бы его к чертям вместе с этой наглой ухмылкой.

«Оглобля», – вывела старательно, обведя каждую букву дважды.

«Малявка», – не остался в долгу новенький.

А почему собственно мы чиркаем в моей тетрадке, а не в его? Я оттолкнула парня локтем и написала прямо посреди чистой страницы:

«Глиста в скафандре!»

И вздрогнула, чувствуя, что, пока я была занята написанием, он уперся лицом мне куда-то за ухо и втягивает носом запах моих волос. Отстранилась, сверкая глазами, сглотнула и уставилась на него. Типа «совсем, что ли, ошалел?». Но он и не думал смотреть на меня, уже писал красивыми печатными буквами:

«Шмакодявка!»

Я даже засмотрелась на его левую руку, лежащую рядом. Листики, переплетающиеся в причудливые узоры и похожие своими краями на женский профиль. Зрелая, с полными губами и тугими черными кудрями девица. На фоне красного заката. С прической из цветов и дивных лиан, убегающих от ее головы на запястье, а оттуда вверх, куда-то под свитер.

Сегодня на его пальцах не было колец. Удивительно. Видимо, приготовился к первому дню на новом месте. Даже ведь приоделся, почти на человека похож стал. Странные надписи, тянущиеся от мизинца к тыльной стороне ладони, никак не удавалось прочесть. Он кто? Хренов Майкл Скофилд? Чтобы записывать всю историю жизни на теле и шифровать ее, как карту.

Что за белиберда? Эй, я на инязе учусь или где? Старалась, старалась, поворачивая шею то туда, то сюда. Слева-направо. Справа-налево читала. Но буквы так и не складывались ни в одно из знакомых слов. Плясали, играя гранями на солнце, и дразнили своей неразгаданностью. Латынь, может быть. Или совсем не буквы... Может, детские каляки? Так, почиркал кто-то.

Я вдруг оторвалась от разглядывания соседа, почувствовав на себе его пронзительный взгляд. Чуть не ойкнула, растерявшись. Да-а, Сурикова не только засмотрелась на него, а еще и первый раз за эти несколько лет не конспектирует каждое слово подряд за преподавом! Дела...

Перевела взгляд на тетрадь.

Шмакодявка, значит? Ла-адно!

«Бугай!»

Даже восклицательный знак поставила. О как! На-кася, выкуси!

Парень беззвучно рассмеялся, вытягивая под столом свои длинные ноги. Наклонился на спинку стула, задумывая, кажется, недоброе. И после недолгой паузы написал: «Маляус». Подумал и добавил: «Теперь только так».

Он что? Новое прозвище мне придумал? И тут же почувствовала неприятный холодок, пробежавший по спине. Как-то под действием адреналина вдруг и забылось, что все веселье скоро закончится. Новенький сел ко мне только потому, что это было ближайшим удобным местечком. Еще и плюс: можно подразнить девчонку, с которой заключил глупое пари. Вот скоро он сойдется со всеми этими красивыми и успешными и тоже станет звать меня за глаза Сурикатом. А то и прямо в лицо. Не стесняюсь.

– Ты чего? – вдруг толкнул он плечом, заметив мой потускневший взгляд.

– Ничего.

– Обиделась?

Я отрицательно покачала головой. Вдруг все стали вставать со своих мест. Конец пары. Галочка обернулась назад, не удержавшись от любопытства.

– Привет, – немного нагнувшись вперед, хрипло произнес ей в лицо новенький.

Хлоп-хлоп-хлоп. Галя захлопала ресницами и моментально зарделась, явно поддавшись обаянию мерзавца. Затем что-то смущенно промурчала в ответ, отвернулась и принялась быстро кидать тетрадки в сумку. Я тоже начала собираться. Если этот тип так действует на девочек, то его определенно ждет здесь популярность. Мне почему-то захотелось поскорее свалить.

– Эй, маляус, – он тронул меня за плечо.

Подняла взгляд, не в силах сдержать волнения.

– Что еще? – ответила слишком раздраженно и почти грубо.

Наклонился к самому уху, заставляя упереться взглядом в разноцветную птицу на его шее. Обдал запахом табака и свежестью парфюма.

– Тебя как хоть зовут?

– А есть разница? – схватив сумку, спросила я.

– Есть, конечно.

– Тогда Маша, – ответила негромко, нервно сгребая ручки, падающие со стола вниз прямо в сумку.

– Прекрасно. – Он продолжил бесцеремонно меня разглядывать, словно пытаюсь понять метаморфозы в моем поведении, происходившие буквально у него на глазах. – Маша, покажешь, куда нам идти дальше?

Я открыла рот, чтобы ответить, но заметила, что сзади к нему уже подошли Костыль и все его ребята. И даже девочки. Ох, как бы сбежать незаметно?

– Эй, дружище! – бросив на меня лишь мимолетный взгляд, громко воскликнул Игорь и распахнул руки для объятия.

Новенький обернулся.

– ЗдорОво!

И они обнялись, как старые приятели. С уверенным похлопыванием по спине и движениями из стороны в сторону. Ох, видимо, долго не виделись и даже соскучились. Пойду-ка я.

– Игорь. – Требовательный, но ужасно милый голос Вики. Подружки выглядывали из-за ее плеча, как стая гиен в ожидании своей порции падали. – Познакомишь нас со своим другом?

– Конечно! – радостно отозвался Костыль.

Валить. Я закинула сумку на плечо и двинулась к выходу. Быстро, не оглядываясь и не дожидаясь, пока разомкнутся их дружеские объятия.

* * *

– И ты вот так просто ушла?

– Ну, да. – Я натянула перчатки.

Как там? Всегда путаюсь, когда в меню вводят что-то новое. Чесночная серая булочка, творожный сыр, курица, помидор, авокадо, моцарелла, шпинат и лук-порей. Друг за другом, и именно в этой последовательности. Ну, вот! Как обычно, ингредиенты отказывались помещаться в булке как положено.

Rrrr! Странно, почему только у меня всегда возникала такая проблема? Положила, украсила листьями шпината. Посыпала сверху секретными специями из большой банки. Бургер, сэндвич, брускетта, или как тебя там обзывают в меню? Бейгл? Короче, готов! Фуу-ух...

– Зачем? – Аня взяла из моих рук тарелку с готовым блюдом и поставила на поднос. – Осталась бы с ним, показала следующую аудиторию. Усадила бы рядом с собой...

– Нет, спасибо, – фыркнула я, принимаясь за следующий кулинарный шедевр местного значения. Выдохнула, чтобы окончательно успокоиться. Как же трудно шевелить руками, когда ты не можешь удержать в них даже свою жизнь.

– Почему?

– Не хочу опять обжигаться. И вообще, пусть общается со своими новыми мажористыми друзьями. Он мне даже не понравился!

Только бы не перепутать чашки и порядок следования ингредиентов. Сначала сыр, потом курица и так далее. Я косяк еще тот... И зачем нужно каждый месяц придумывать новые блюда? То сэндвичи, то тортильи, теперь это чудо. В перьях и листьях.

– Ой ли, не понравился! То-то ты как пришла, давай сразу про него трепаться! – Солнце перехватила из моих рук тарелку и скрылась за поворотом. – Не понравился он ей, ага.

Мне до смерти хотелось рассказать подруге все в мельчайших деталях, но, придя с учебы и переодевшись в рабочую форму, я сообщила ей лишь сухие факты. Кратко, без подробностей. Почему-то показалось – если вдруг озвучу самые потаенные мысли и переживания, то все это непременно вновь обернется крушением надежд. Как с Игорем.

Еще рано рассказывать полностью. Пока даже в себе не разобралась как следует. Но Солнцева та еще заноза, она умела докапываться до сути. Всегда. С помощью ухищрений и системы словесных маневров. Если не помогало, переходила на следующий уровень: угрозы и даже пытки. Честно, я начинала ее немного побаиваться.

Судите сами. Человек за последний год испытал на себе почти все самые причудливые веяния моды прошлых сезонов. Разноцветные волосы: розовые, фиолетовые и кислотные сиреневые со жгутами, вплетенными в косички. Рваные в хлам джинсы, под которые носила колготки в крупную сетку. Сумочка-мошна на талии, какие были в моде у торгашей девяностых. И, наконец, каблуки со спортивными штанами. Просто жуть.

Можете считать меня консервативной и занудной, но я никогда не знаю, чего от нее ожидать в следующую секунду. Сегодня Солнцева убивается по йоге, завтра по фен-шую, а послезавтра что? Сетевой бизнес, косметика? Смена пола? А может, она примет иудаизм? Или устроится киллером? Не могу ручаться ни за один из пунктов.

Так что кефирная диета и бойкот мужчинам – мелочи, легкая блажь. Женская причуда, так сказать. Простительно и терпимо.

– Какие выводы я могу сделать из твоих слов? – Вернувшись, она остановилась у выхода, заняв удобную наблюдательную позицию. Правым глазом могла видеть весь зал и девочек на кассе. Левым – меня и остальную кухню, где трудились Оганес, наш шеф-повар, Лилечка, его главная помощница, и Степан, заведующий грилем. В данный момент им совершенно было не до нас: под легкий армянский мотивчик вся троица занималась выполнением заказов.

– И какие же? – Я встала на цыпочки, чтобы увидеть, сколько посетителей находилось в зале.

– Ты делишь все на два. Если сказала, что он высокий и не сильно страшный, значит, парень рослый, красивый и... сексуальный.

– Вовсе нет. – У меня опять никак не получалось равномерно распределить начинку внутри булки. Пришлось изловчиться и напихать так, чтобы содержимое не лезло обратно.

– Ты сказала, что он был прилично помят во время вашей первой встречи в автобусе.

– Да он вел себя невоспитанно, а выглядел, как чертов торчок!

– Значит, был немного помят. Раздражен. – Солнцева забралась на стойку возле прохода и принялась болтать ногами, опасливо поглядывая на дверь кабинета управляющего кафе за моей спиной. – А ты, Машка, просто придираешься. Мне бы взглянуть на него хоть разок, тогда точно скажу, стоит ли тебе забивать твою дурную голову мыслями о нем.

Я положила ложку обратно в контейнер с творожным сыром. Все, теперь можно было заняться нарезкой шоколадных пирожных.

– Ань, да он вылитый попугай. Изрисованный, разодетый! Только дыр в ушах не хватает для полного набора. И кольца в носу. – Поставила лист с десертом на стол и взяла специальный нож. Мммм, шоколадная заливка сверху, сливки, орехи и приятный тонкий аромат коньяка. Да, Лилечка постаралась сегодня.

– Я уверена, ты преувеличиваешь. – Аня закатила глаза, чтобы не соблазниться сладким. Ее бутылка кефира ждала своего часа в холодильнике и напоминала о любимых джинсах, в которые хитрая задница подруги никак не желала влезать еще с зимы.

– Вот тебе бы он понравился. Точно говорю. Ты любишь все яркое и цветное.

– Да и тебе, как я вижу, понравился. Иначе бы даже речи о нем не завела, тихушница! – усмехнулась она, прыгивая. – Хочешь, даже возьму твоего брата на себя? Отвлеку, чтобы не нервничал. А то беспокоится, что его младшая сестренка может потерять девственность с неподходящим человеком.

– Ты же знаешь, что я не... – Мне ужасно хотелось избежать этого разговора, и теперь стало жаль, что не удалось.

– Но Павлик-то не знает. – Солнцева вытянула шею, разглядывая посетителей коктейль-бара. – И если бы у тебя вдруг появился парень, Суриков бы успокоился, поверь. Переложил бы заботу о младшенькой и не переживал больше.

– Ну-ну.

– Кстати, он вчера заходил.

– Не может быть, – хмыкнула я.

– Ага. – Аня подняла футболку и попыталась оттянуть рукой несуществующий жир на талии, прикидывая, сколько еще осталось худеть к лету.

– И как он?

– Как, как, на тебя похож, только выше и крепче.

– Да я не об этом. Что говорит?

– Ну-у... – Подруга намотала прядь волос на палец, силясь вспомнить.

– Понятно. – Разложив пирожные по тарелочкам и накрыв пленкой, я отложила в сторону. – Вы опять глазели друг на друга, как пьяные павианы, а потом разошлись каждый в свою сторону? Да?

– Не-ет, – ответила она неуверенно и смущенно.

– Да, – усмехнулась я, снимая перчатки. – Как всегда.

– Ты же помнишь про обет? Воздержание, все дела... И вообще, он жутко похож на тебя, а это так странно.

– Все верно. – Я подошла к окну, заклеенному рекламой наполовину. На улице распогодилось, и люди сновали туда-сюда уже в одних кофточках и футболках. – А еще Пашка – дуралей, грязнуля и драчун. На фига тебе такой, спрашивается?

– Маш?

– А? – обернулась я.

– Может, дашь шанс своему попугаю? Глядишь, он не такой, как все, и у вас...

– Нет. – Я спрятала глаза. – И он даже не в моем вкусе.

– Пороть тебя надо, – бросила подруга, отворачиваясь, – пороть как сидорову козу. Не то через пару лет совсем закроешься ото всех и будешь беспрестанно ворчать. Как бабка.

Она покачала головой и направилась в зал. Я проводила ее усталым взглядом, поправила косынку на голове и вернулась к обязанностям. Мелким, надоевшим, но таким нужным, чтобы хоть немного отвлечься. Все-таки Солнце всегда говорила дельные вещи. А еще чаще просто озвучивала то, в чем я сама себе боялась признаться. Каждый раз, когда мне хотелось закрыть глаза на проблему, она раз от раза возвращалась к ней, чтобы заново обсудить. И еще, и еще, и так до тех пор, пока не находилось решение.

Единственным нашим камнем преткновения оставались мои отношения с одноклассниками. Я упрямо твердила Ане, что мне хорошо. Она настойчиво продолжала предлагать пути решения, вроде такого, как попробовать найти с ними общий язык, перейти в другой универ или посоветоваться с братом. А я привычно упиралась: нет, я не изгой, меня не обижают, мне и так хорошо, на всех забила, и все устраивает.

– У тебя есть там кто-то, с кем хотя бы можно поболтать на перемене, если скучно? – спрашивала она.

Как удар под дых. Вроде уже привыкла, а все равно неприятно.

– Нет, – всякий раз отвечала я, ощущая тяжелый камень в груди, – как нет и потребности с кем-то там разговаривать.

– О чем я и говорю, – сердилась Аня, теребя свои иссиня-черные волосы.

Хороший друг чувствует сердцем. Хороший друг видит боль даже за улыбкой. Хороший друг – это тот, кто, зная твои минусы, все равно тебя любит.

И Солнцева была именно такой.

– Там! – Она вбежала в кухню как ошпаренная. – Там!

Аня трясла рукой с блокнотом, указывая на зал.

– Что? – Я поправила фартук и взглянула на нее.

– Мне кажется, это он!

– Кто?

– Твой Дима! – воскликнула она радостно.

– Мой кто?! – переспросила я, еще не до конца понимая, что происходит, и почему вдруг так кольнуло сердце при звуке чужого имени.

– Попугай!

– Ого, – спохватилась я, – не ори только! Тс-с! Спокойно. Вдруг это даже не он.

Но Солнцеву было уже не остановить. Вулкан начал извергаться, брызгая в разные стороны лавой-слюдой.

– Он... это... такой... я... – Она закрыла лицо руками. – Это просто вау!

Пробравшись на цыпочках к двери, я отодвинула занавесочку. В зале уже заметно прибавилось народу. Солнцева напирала на меня, толкая в бок. Таранила локтями и коленями. Пришлось остановить ее на расстоянии вытянутой руки.

– Тихо ты!

– Ну? Ну?! – нетерпеливо подпрыгивала она. – Он? Он, да?!

Я пробежалась глазами по залу и остановилась на компании ребят за большим столиком возле окна. Ну, конечно. Вот она, наша золотая молодежь. Игореша, Максимка, Денчик, их облезлые курицы... и новенький, собственной персоной. Смеющийся и галантно отодвигающий стул для (кого бы вы думали?)... да-а... для Вики, смотрящей на него с самым ангельским выражением лица, на какое только может быть способна очковая кобра.

– Он, – прошептала я, высовываясь уже наполовину и забывая, что меня могут заметить. – Он.

И, спохватившись, быстро спряталась обратно. Прислонилась к стене, стараясь унять нахлынувшее волнение.

Нет, там ведь по пути от универа и «Макдак», и «Шоколадница», и прочие забегаловки. И даже тир есть, если очень хочется пострелять не только глазками. Почему сюда? Шли бы, вон, в кабак с караоке! Так нет, притащили свои задницы в наше кафе! Не хватало только опозориться сразу перед всеми, засветившись в этой дурацкой косынке.

– Маш, он такой... прикольный, – пропела на выдохе Аня, продолжая таращиться на их компанию через щель между стеной и шторой.

– Мне все равно. – Сжав кулаки, я вернулась к столу.

Надела перчатки, сняла, снова надела. Подошла к холодильнику, открыла его, закрыла. Выдохнула, заметив, что подруга пристально за мной наблюдает.

– Маш, – сказала вдруг она, – это ведь нормально, что он общается с ними. А с кем ему еще сходить? Красивый, хорошо одетый мальчик первый день на новом месте. Естественно, что он тянется к таким же, как и он. И они к нему. Только вот ничто не мешает тебе последовать их примеру. Я бы поборолась за такого парня, тем более ты красивее этих девчонок. Приятнее. Умнее.

– Солнцева, – хватая миски с соусами, взмолилась я, – перестань, а? Меня и так бесит, что мысли раз от раза возвращаются к нему. И все из-за дурацкого спора. А тут еще ты!

– Зануда ты, Сурикова. – Анна сложила руки на груди. – Пойду я на разведку. Буду ковать твоё счастье за тебя, раз ты так тормозишь.

– Своим бы лучше занялась!

Но силуэт подруги уже исчез в дверном проеме. Не раздумывая, я бросилась к нему. Высунула один глаз из-за угла, отодвигая шторку, и, затаив дыхание, принялась наблюдать.

Да, им было очень весело. Компания заняла весь столик. Они сидели, о чем-то оживленно болтая. Костыль размахивал руками, что-то рассказывая. Судя по жестам, какую рыбину он недавно поймал на спиннинг. Хотя какая рыбалка таким, как он. Прожигателям жизни. Наверное, хвалился своим хозяйством. Не-е-т. Ну, не прилюдно же это делать.

Я брезгливо поморщилась. Шутка Игоря удалась, потому что все дружно рассмеялись. И даже девочки. Правда, не отрывая взгляда от моего Димы.

Что? Моего? Это я сейчас так сказала?! Фух, хорошо, что про себя, не вслух. Какой он мой? Даже не нравится. Нисколечко. Вон какой долговязый и... и... крышесносно улыбается всем подряд, подлец!

Пришла и его очередь рассказывать что-то забавное. Несколько фраз, и очередной взрыв смеха. Ха-ха-ха, как смешно. Смотри, не гогочи так сильно, Старыгина, протезы вывалятся!

Со своего наблюдательного поста мне даже казалось, что я слышу его глубокий голос с легкой хрипотцой. Рука с причудливыми рисунками взметнулась вверх в поисках официанта, но Солнцева уже стояла рядом в паре метров, делая вид, что считает солонки на соседнем столике.

– Бла-бла-бла-бла? – что-то вежливо спросила она, доставая из кармана форменных брюк блокнот и карандаш.

Чертова музыка, ничего не слышно.

– Бла-бла, – ответил новенький. – Бла, бла, бла и бла-бла.

– Гав-гав! – добавил Игорь, перебивая радио, льющее веселый мотивчик из динамиков в углу.

– Бла-бла? – спросил Дима, обратившись к сидящим рядом девушкам.

– Тяв-тяв-тяв-тяв! – перебивая друг друга, принялись перечислять размалеванные куклы.

– Шшшш, – а это уже шипела Вика, слегка подняв подбородок, благородно и надменно. Водила пальчиком в воздухе прямо перед носом новенького. Наверняка перечисляла желаемое: фуагра, белые трюфели, лобстеры и икру. Да-да, немного икры, пожалуйста, а то я на диете. Очнись, дорогая, ты в обычной забегаловке! Аристократка! Сейчас Солнцева тебе объяснит, куда ты попала.

Но Аня только кивала. Жаль, отсюда не было видно ее лица. Наверняка улыбалась всей этой братии. Перечислив по порядку все заказанное, подруга развернулась на каблуках и с довольным видом направилась в мою сторону.

Я пулей долетела до своего места, проехав несколько метров на скользких подошвах в тщетной попытке затормозить. Остановилась, хватаясь за край стола, восстановила равновесие (с дыханием было сложнее). Сделала самое непроницаемое лицо. Лицо человека, занятого своим делом. Каким? Да вот хотя бы таким: помешиванием соуса для тортильи. Неспешным помешиванием густого ароматного соуса.

– Вот. – Первым делом она оторвала лист из блокнота и отдала Лилечке в кухню. Потом подошла ко мне и указала пальцем на оставшуюся в блокноте копию. – Займись-ка. Я пока отнесу напитки.

И все? Она что, больше ничего не скажет? Солнцева, сложив необходимое на поднос и разлив напитки по стаканам, двинулась обратно в зал. Издевается, не иначе. Знает, что я сгораю от любопытства, и ждет, когда сама спрошу. А вот не буду! Не буду, и все! Я поправила разделочную доску и начала заворачивать ингредиенты в лаваш. Курица, морковка, что там еще? Блин...

– Твой ненаглядный попросил чай. – Солнцева, уже вернувшись, встала рядом со мной. – Зеленый. У меня даже когнитивный диссонанс. Аж глаз задергался!

– Что здесь странного? – не отвлекаясь от тортильи, спросила я.

– Такие ребята не заказывают чай. Я еще понимаю, если сок. Мало ли, сушнячок долбит. А тут чай.

– Бывает. – Интересно, если я буду присвистывать, она поверит, что он мне безразличен?

– Мне продолжать шпионить? Или как?

– А ты шпионила?

– Ну-у... Хотела пересчитать все крошки на всех соседних столах, но так ничего и не обнаружила. Слонялась рядом, поправляла салфетки, грела уши.

– И? Что-то узнала?

– Ага! Так я и знала! Тебе интересно! – Солнцева довольно захихикала, потирая руки. Подруга явно переигрывала, лучше бы уж сразу воспользовалась злодейским смехом «Мвуахахахахааааа!». Получилось бы эффектнее.

– Вовсе нет. Ты ведь сама начала рассказывать. Говори уж...

– Ничего особого я не узнала. Поняла только, что твой Костыль... – Она осеклась, встретив мой угрожающий взгляд. – Прости-прости, не твой! Что Костыль и твой Дима живут где-то рядом. И были дружны в детстве. Пару лет назад он куда-то уехал, а вернулся только на днях.

– Вот как.

– Да. А девки уже окучивают его: Дима то, Дима это. Ой, какой ты веселый, сейчас животики надорвем!

– Вот и пусть тусуют. Нас с ним не связывает ничего, кроме глупого спора.

– Как скажешь, – подмигнула Аня и направилась на кухню.

Rrrrrr! Гвоздей, что ли, ей завернуть в тортилью, этой Старыгиной? Она не могла не бесить меня. Просто потому, что даже от своих бестолковых подруг выгодно отличалась. И умом, и приятным внешним видом.

Сколько ни злись, а стоило бы признать, что Вика была хорошенькой. Светлые глаза, светлые волосы, правильные черты лица. Минимум косметики, всегда скромно и со вкусом одета. Утонченная, правильная до кончиков ногтей. Спокойная, как удав. Вот таких мужчины добиваются, именно на таких и женятся, точно вам говорю.

А я? А что я? С такими, как я, можно вон... как Игорь. Послать, даже не утруждая себя объяснениями. Вытер ноги, пошел дальше. И правильно.

Я больше не проронила ни слова. Закончила с заказом, подошла к окну. Встала и, сгорбившись, ушла вдалеке. И почему мне даже не хотелось побороться, если нравится этот парень? Да, нравится, нельзя не признать. Хоть меня и бесит этот факт. Отчаянно бесит!

Но Сурикова готова опять оставить все на волю судьбы. Будь как будь. И поплыть по течению. Что за характер такой? Пашка бы на моем месте непременно добился бы своего. Переломал бы кучу дров, набил бы шишек, но добился.

– Когда парни выходили покурить, Костыль сказал девчонкам, что красавчик-новенький ни разу не был замечен с одной и той же девушкой чаще одного раза. Меняет их, видимо, как перчатки. – Солнцева села на подоконник рядом со мной. Не знаю, сколько времени прошло, пока я вот так, молча, смотрела на проезжающие по дороге автомобили.

– Они расстроились? – поинтересовалась безразлично.

– Ни капельки. А ты?

– А я... – Произнесла, поворачиваясь к подруге: – А кто я вообще? Ему? Им? Никто. Так что никакого мне до них дела.

Улыбнулась. Горько и немного обиженно. И вернулась к столу.

– Они ушли, Маша, – вздохнула Солнцева. – Ушли, оставив Вику с твоим новеньким наедине. Сидят там вдвоем, друг напротив друга, воркуют.

– Пусть.

Аня обошла меня и посмотрела в глаза.

– Тебя не бесит?

– Нет. Совершенно.

– Хочешь, – улыбнулась она, – я испорчу им посиделки?

– Пусть наслаждаются общением. – Пора браться за работу. Я придвинула ближе контейнеры и принялась нарезать новую порцию овощей.

– Что ж я, совсем бесчувственная? И брошу тебя в таком унынии? Да никогда! – И Солнцева направилась в зал, громко цокая каблуками по кафелю.

Я немедленно потрусилась к шторке. Прижалась к стене, осторожно выглянула, отодвигая занавеску. А затем смело высунула голову, увидев, что Анина спина

надежно защищает меня от их любопытных глаз.

Вот новенький полез в карман, достал крупную купюру, сунул в папку для счета. Улыбнулся. Блин, да перестань ты сражать всех наповал своими ровными белыми зубами! Даже если они смыкаются в такую ровную линию, заставляя дрожать поджилки. Вика, наверное, чуть не ослепла.

Солнцева перекинулась с ним парой слов, кивнула и забрала папку.

Тык. Моя ты хорошая! Надо же быть такой неловкой, ай-яй! Как неудобно вышло! стакан сока вдруг полетел вниз, аккуратно на колени к Старыгиной. Вскочила, визжит, бедная. Ну и заведение. Что за сервис! Как я ее понимаю...

Аня: простите, простите. Давайте помогу. А Димочка-то как заметался. Не знает, за что хвататься. Правильно, за салфетки. Я зажала рот рукой, чтобы не заржать, как вдруг замерла с выпученными глазами.

Он смотрел на меня, застыв с салфетками в руках. Смотрел, нахмутив брови, смотрел через весь зал. На меня! Вика моментально исчезла из моего поля зрения, Аня тоже. Исчезли все посетители кафе, бармен, люди на улице. Остались только мы с ним вдвоем. Смотрели друг на друга через десяток метров, нас разделяющих, и не дышали. Он не улыбался, не хмурился больше, вообще не двигал ни единой мышцей на лице. Я понимала, что нужно спрятаться, и не могла отвести глаз. И Дима, похоже, тоже.

Мы просто не могли перестать смотреть друг на друга. До головокружения, до ощущения сжатия пространства, словно бы эти несколько метров вдруг превратились в один. Мне вспомнился наш вчерашний поцелуй. Такой неожиданный, такой горячий. И ему, наверное, тоже. Мне захотелось выйти и подойти ближе. Чтобы повторить то, что вчера казалось таким естественным и таким невероятным. И я почти сделала шаг, когда руки Вики вдруг выхватили салфетки из его рук, заставив очнуться. Он повернулся к ней и больше не оглядывался. Что-то говорил, пытаюсь утешить, и мягко похлопывал по плечу.

Я шагнула назад и задернула штору, бросив последний взгляд через маленькую щель. Увидела, как они удаляются из кафе. Привалилась к стене, содрала косынку с головы и закрыла глаза, пытаюсь прийти в себя и отдышаться.

Через секунду уже появилась Солнцева:

– Не знаю, кому я только что помогла, но он повез эту Вику домой.

– Понятно. – Я накинула кофту, проверила наличие сигарет в кармане и направилась к черному входу. – Он меня увидел. Вот позорище. В этой дурацкой косынке. Кухарка и мажор, блин. Вот же смех! О чем я, вообще, думала?

– Ты это... Прости, Маш, – донеслось из-за спины. – Правда, по-дурацки как-то вышло. Думала, помогу...

Я вышла, хлопнув дверью. Нет, не прямо так, как показывают в фильмах. Легонечко. Не у себя же дома.

Села на маленькую скамейку и достала зажигалку. Вынула одну сигарету, прикурила. Дым пошел сразу глубоко в легкие, обжигая и заставляя голову кружиться. Посмотрела на огромное голубое небо. Даже оно сегодня угрожало навалиться на меня всей своей тяжестью.

Выдохнула, глядя, как серое облачко, подхваченное легким ветерком, взмывает в воздух и обрушивается прямо на мои волосы. Ну, вот. Опять брат будет ворчать на меня из-за сигаретного запаха. Лишь бы маме не доложил. Когда та хватается за сердце, мне становится совсем не по себе. Все-таки огорчать родительницу – это больше к Пашке, не ко мне. Я так не умею.

Прикусила фильтр, отчаянно, сильно, до скрипа в зубах. Да что ж за ерунда такая творится в моей жизни, а? Разве могла я когда-нибудь представить, что все так обернется? Почему никто не предупредил, что жизнь может измениться почти в один день? И что взрослеть будет так трудно и больно?

Страхнула пепел в мусорный бак. Закинула ногу на ногу. Ужасно захотелось все-все вернуть. Хотя бы первый день в универе. Когда можно было просто сказать всем «привет», вместо того чтобы испуганно глазеть на новый мир с последней парты. Я ведь умею, могу. Я не такая и никогда такой не была. Почему тогда позволила поставить себя в такое положение? Почему приняла правила не моей игры, закрылась ото всех? И не захотела исправить, пока еще было можно.

Почему так не хотела поверить в предательство Игоря? Поверила ему, открылась и до последнего ждала каких-то адекватных объяснений его поведению. Ждала даже тогда, когда и ждать-то было уже нечего. Когда он проходил мимо меня на занятиях и даже не оборачивался, чтобы поздороваться. Я все равно ждала. Ждала каждый вечер, что он позвонит и извинится. Ждала, что напишет «я был не прав». Да хотя бы обычное «прости», в конце-то концов. Вот дура. Дура она и есть!

И что мне дали эти неудавшиеся отношения с Костылем? А ничего. Подарили неуверенность в себе и увлечение сигаретами. Все? Да они даже не помогают, эти сигареты. Ни успокоиться, ни собраться с мыслями, ни заглушить боль.

В моем случае все бессильно. Вот появился парень на горизонте. Пусть даже заинтересованный мной из-за дурацкого спора. Но я не могу пустить его в свой мир. Нет. Вдруг он наследит там и свалит. Пережует меня и выплюнет, как жвачку. Нужно уже просто признаться самой себе: Маша, ты больше не можешь никому доверять. Сможешь ли когда-нибудь? Хм, вряд ли. Вряд ли.

Может, тогда стоило бы завести с ним отношения без обязательств? Мне приятно, и ему хорошо. Заодно и Вика побесилась бы. Но ведь я так тоже не умею. И глупо это не признавать. Ну не смогу встречаться с человеком и ничего при этом к нему не чувствовать. Не смогу не реагировать на сплетни обо мне. Не смогу его отпустить. Все равно будет больно, как ни крути.

Так тогда лучше и не начинать. Все, забыли, отбросили. Тем более и рассуждать тут не о чем. Мы разного поля ягоды. И он ушел с другой.

Посидела с десяток минут, раздумывая, не выкурить ли еще одну. Нет, не стоит, затошнит еще. Затушила окурок, выбросила в урну. Глубоко вдохнула и толкнула дверь в помещение.

– Тебе меня не победить!

– Ха-ха. Если бы я не поддавался, твоя рука давно бы лежала на столе.

– Поддавался? Да ты еле терпишь, смотри не лопни! Глаза так и лезут из орбит! Слабак!

– Я слабак? – До боли знакомый мужской смех. – А так?

– Ыыыы, – заскрипела Аня. – Тебе... меня... не по-бе-дить!

– Ты уже говорила. – Самоуверенно и насмешливо.

Нет, я определенно знала этот голос! Повесила кофту на крючок возле выхода и торопливо пошла в кухню.

Мне не сразу удалось понять, что происходит возле моего стола. Спины поваров закрывали весь обзор. Лиля, Оганес и Степан окружили странную парочку со всех сторон, подбадривая кивками головы и даже свистом. Оля, бармен, выглядывала из-за шторы, с интересом наблюдая за событиями, которые разворачивались прямо на моем рабочем месте.

Какого черта вообще? Я подошла ближе, с трудом протиснувшись между поварами и застыла в изумлении. Неизвестно откуда взявшийся на кухне новенький соревновался в армрестлинге с моей подругой! Его свитер болтался на спинке стула. Сам же он сидел на стуле, широко расставив ноги. В одной (чтоб мне ослепнуть) майке! На голое (валерьянки мне!) тело, в тех же, что и недавно, черных джинсах и черных кедах. Упирал острый локоть в столешницу и, смеясь, натурально давал отпор словно взбесившейся Аньке.

Солнцева пыжилась, стараясь уложить его кисть на поверхность стола. Помогала себе всем весом тела и страшно бесилась, что он, глядя на ее старания, заливисто хохотал. Отвлеклась она лишь единожды и всего на долю секунды, чтобы успеть бросить на меня короткий взгляд, и сразу усилила давление, упираясь каблуками в скользкую кафельную плитку. Зрачки, налитые красным, уже стремились покинуть ее веки, но Аню это не смущало.

– Гххх, – раздалось ее то ли рычание, то ли сипение. – Гхыыыы...

– Давай, девочка, старайся, – усмехнулся мой новый знакомый, лениво зевая. – Сейчас ты проиграешь, и тебе придется рассказать, где ты скрываешь мою...

Он осекся, заметив меня. Так и замер с раскрытым ртом, когда Солнцева вдруг опрокинула его руку на поверхность стола и вскочила в победном прыжке:

– Ха! Знай наших! Дохлак!

Но парень уже не слышал ее. Встал, продолжая так же бесстыже таращиться на меня. Оглядев с ног до головы, задержался взглядом лишь на униформе. Словно не мог поверить своим глазам. Или не хотел.

Следов сильного разочарования в них я, как ни странно, не заметила. Только интерес. Новенький оценивающе ухмыльнулся и сложил руки на груди.

– Ну, привет!

– Привет! – фыркнула я, задрав нос.

Ну и что, что в форме. Ну и что, что работаю в общепите. Зато работаю! Сама себе зарабатываю на все необходимое и горжусь этим. Если бы навоз вилами ворочала, то так же бы стояла сейчас, гордо выпрямив спину. Зато все сама. Родители не избаловали, и папиков нет, щедро золотящих ручку.

– Так, все, расходимся, – скомандовала Солнцева, подталкивая Лилечку в спину. – Шоу окончено.

Парень пропустил вперед расстроенную публику, позволяя вернуться на рабочие места, и сделал неуверенный шаг вперед. Первым делом мой взгляд упал на его татуировки. Странно, но они мне больше не казались уродливыми.

Теперь, в этой майке, можно было хорошо рассмотреть их. И орла с огромными черными когтями, которыми он цеплялся за веточки. Или не веточки? Рога. Большие раскидистые рога, кажется, оленя. Не было видно целиком, потому что рисунок уходил ниже, под тонкую ткань. Зато хорошо видны были его плечи. Широкие, смуглые и мускулистые, украшенные с одной стороны рисунком, плавно перетекающим в целый «рукав» из татуировок. И здесь, на руке, их было гораздо больше, чем можно было предполагать тогда, в автобусе. Просто целое полотно.

И вот мне уже захотелось провести по его коже пальцем, начиная от уха, вниз по шее, к ямочке между ключиц и спуститься по руке к запястью. Наваждение какое-то. Вместо этого я, нахмутив лоб, выдала:

– Аня, а почему у нас посторонние на кухне, а?

Сказала все это, не глядя на нее. Потому что мы с новеньким уже снова играли в гляделки. Кто кого испепелит взглядом быстрее. Подруга сложила губы в трубочку и что-то промычала в ответ. Ей, похоже, нравилось то, что разворачивалось сейчас прямо на ее глазах.

– Не сердись, маляус, – вдруг улыбнулся он, заставив мой желудок буквально сжаться в комок. – Мы уже познакомились с твоей... предприимчивой подругой. Я просил ее проводить меня к тебе, но она молчала, как партизан. Пришлось уговаривать.

Мое лицо вспыхнуло от смущения, когда его рука поднялась и опустилась на мое плечо. Нежно и мягко.

Бах-бах-бах-бах! Сердце, ты могло бы стучать не так громко?! Я попыталась вспомнить хоть какие-нибудь слова, но все они застыли на кончике онемевшего языка. Да пусть хоть все вокруг сейчас пялились на меня, какое мне было дело? Когда его рука вот так привычно и просто лежала на моем плече. Примотайте кто-нибудь изолентой! Пожалуйста! Или лучше проволокой, пусть остается там навсегда. Та-ак хорошо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sokol_lena/zastav-menya-vlyubit-sya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)